

Б. И. ИВАНОВ. СТИХОТВОРЕНИЯ

*(Вступительные статьи В. Г. Антер и Ю. М. Валиевой,
подготовка текста В. Г. Антер)*

Аннотация: В публикации впервые представлена поэзия Бориса Иванова (1928–2015) – ленинградского / петербургского писателя, критика, публициста, философа, культуролога. Творчество Б. И. Иванова, теоретика и историка культуры эпохи самиздата, неразрывно связано с его деятельностью по изданию и изучению независимой русской литературы. Журнал «Часы» (1976–1990), организатором и главным редактором которого он был, являлся одним из ведущих литературно-общественных периодических изданий ленинградского самиздата. На страницах 80 номеров этого журнала впервые увидели свет произведения более 300 отечественных авторов.

Публикуемые стихи Б. Иванова 1960–1990-х гг. открывают читателям ранее малоизвестную, но исключительно важную сторону его творчества. Тематически связанные с его работами по философии культуры и литературной критике, стихи Б. Иванова дают представление о синкретизме его художественного мышления.

Ключевые слова: Борис Иванович Иванов, поэзия, Виктор Кривулин, Леонид Аронзон, Рид Грачев, «культурный проект», независимая русская литература 1950–1980-х гг., неофициальная культура

Abstract: This article contains first-time publication of the poetry of Leningrad/Saint-Petersburg writer, critic, publicist, philosopher, and culture expert Boris Ivanov (1928–2015). B. I. Ivanov's – the theorist and historian of samizdat era culture – works are inseparable from his work on publishing and study of Russian independent literature. The journal «The Hours» («Chasy») (1976–1990), which organizer and chief editor was B.I. Ivanov, was one of the leading literary and social periodic publications of Leningrad samizdat. Works of more than 300 authors were published for the first time ever in the 80 issues of this journal.

The poetry of B. Ivanov (1960 – 1990 period), published in this article, unveil previously unknown, but vitally important part of his work. Thematically connected to his works on philosophy of culture and literature criticism, the poetry of B. Ivanov is illustrative of the syncretism of his artistic thinking.

Key words: Boris Ivanovich Ivanov, poetry, Viktor Krivulin, Leonid Aronzon, Rid Grachev, culture project, Russian independent literature of 1950–1980-s, unofficial culture.

Б. И. Иванов – журналист, критик, прозаик, публицист, философ, культуролог, литературно-общественный деятель, родился 25 февр. 1928 г. в Ленинграде. В блокадную зиму на его глазах умирали родные и близкие, умирал город. Память о войне, людях, втянутых в нее, будет преследовать его всю жизнь. Уже тогда, в блокадные годы, он знал, что расскажет обо всем в будущем.

Два мотива возвращали его к военной теме: обязанность рассказать о том, что еще не написано, и единственная возможность выразить сострадание к жертвам войны.

В книгу «Жатва жертв» вошли как личные воспоминания, так и рассказы очевидцев событий того времени. Повесть «За стенами города. Дезертир Ведерников» Борис Иванович считал одной из самых сильных.

Шестидесятые годы начинались с общественных надежд, духовных поисков и появления ярких и независимых личностей. Рид Грачев – один из них. Встреча с ним внесла в жизнь Бориса Ивановича большие перемены. Под влиянием Грачева изменился взгляд на культурные и социальные проблемы того времени. В 1969 г. власти не простили ему заступничество за опальных писателей, и удачно начавшаяся литературная карьера прервалась. Возникли проблемы на работе. Борис Иванович перестает разделять надежды своего поколения на «оттепель», на новые публикации. Об этом пишет повесть «Подонок», посвященную Риду Грачеву. В этой повести – черты той среды, в которой складывалась неофициальная литература. Шестидесятники искали пути выживания.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. знакомится с поэтами и художниками, стихийное творчество которых назвал «культурным движением».

В 1974 г. было решено составить сборник стихов «Лепта» и потребовать его публикации. Надежды участников не оправдались. Борис Иванович предложил выпускать общий машинописный журн. «Часы». В 1978 г. журнал стал ежегодно присуждать премию им. А. Белого.

Бориса Ивановича называли «королем Самиздата». Эта метафора – не преувеличение. «Часы» исправно «шли» пятнадцать лет и «остановились» лишь тогда, когда необходимость в них отпала.

В 1981 г. организовал первое литературное объединение независимых литераторов «Клуб–81».

Был одним из составителей первого официального сборника членов клуба «Круг». Борис Иванович участвовал в организации городских конференций, посвященных истории неофициальной литературы.

С 2009 г. – один из ведущих семинара по новой литературе при ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Однажды этот человек сказал: «Наш город стоит на миллионах свай, которые забили строители. Я чувствую себя одной из этих свай».

Дружба с художниками, посещение квартирных выставок, беседы и споры об искусстве обнаружили в нем способности к живописи (было написано несколько картин, одобренных художниками, в том числе В. Гаврильчиком и др.). С карандашом же он вообще редко расставался, постоянно делая зарисовки: портреты знакомых, натюрморты, пейзажи, сюжеты.

Что касается поэзии, огромное впечатление произвело на него творчество В. Кривулина, Л. Аронсона. Борис Иванович занялся исследованием их поэтических произведений.

Борис Иванович не был поэтом. Стихи начал писать в конце 1960-х гг. Это было время его встречи с Татьяной Кернер – талантливой художницей, трагически погибшей в 1973 г. Несмотря на бытовую неустроенность, нищету, работу с мизерной зарплатой, но с возможностью заниматься своим делом, без надежды выйти к читателю и зрителю, – его стихи, простые и лиричные, полны романтизма, чистоты и веры в будущее.

В. Г. Аннер

«Оно не может быть таким...»: Борис Иванов и поэзия

Важность публикации стихов Бориса Иванова, теоретика и историка неофициальной культуры, редактора самиздатского журн. «Часы», обусловлена прежде всего тем значением, которое он придавал поэзии.

Историю развития «неофициального культурного движения» и его периодизацию Б. И. Иванов строил, основываясь в первую очередь на анализе современной ему поэзии, отмечая смену парадигм и появление новых фактов поэтического языка. Именно поэзия была источником его оригинальной концепции культуры.¹

Настоящая подборка, сделанная, по словам Виктории Аптер, самим Б. Ивановым, включает в себя его стихи с 1961 г. по 1997 г. Большая их часть публикуется впервые. При жизни автора его стихи увидели свет дважды: в 1976 г. в самиздате (цикл «Сорок семь стихотворений»)² и в 1997 г., в специальном выпуске журн. «Звезда» («Я песен не знаю...», «Впрягают в телеги...», «Плакать...», «Я пришел к тебе еще вчерашний...», «Как к солнцу простертые руки...», «Кошмары шпагой проткнуть...», «Мой друг разносит по домам...», «Всё та же ночь...»)³.

* * *

Представляясь на записи авторского чтения для университетского архива, Б. Иванов назвал себя «грубым реалистом»: «Я подумал, что реализм, который противостоит всем... вымыслам, утопиям, легендам, это и есть

¹ Отдельные аспекты теории культуры Б. Иванова рассматриваются в статьях: *Житенева А.* Философия культуры Бориса Иванова // «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы: Материалы междунар. конф. (Женева, 1–3 марта 2012 г.). СПб., 2013. С. 160–173; *Панкратова Е. В.* К вопросу о концепции искусства в неофициальном культурном движении (на материале журнала «Часы» в 1970–1980-х годах) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. 2014. Вып. 4. С. 51–57.

² *Иванов Б.* [Стихи] // Часы. 1976. № 4. С. 139–166. Далее: *Иванов Часы*. Заглавие публикации дано не было. Стихи пронумерованы. Их датировка не указана. В настоящую подборку вошли 39 стихотворений из этого цикла. В дальнейшем цит. по оцифрованному экземпляру: <http://samizdat.wiki/images/c/c7/ЧАСЫ4-10-БорисИванов-Стихи.pdf> [электронный ресурс, дата доступа 08.08.2018], ссылки на этот источник с указанием страниц даются в тексте в круглых скобках.

В энциклопедии «Самиздат Ленинграда» и в 3-томном энциклопедическом словаре «Литературный Санкт-Петербург. XX век» указаны публикации стихов Б. Иванова в двух других номерах журн. «Часы» (1980. № 28; 1984. № 47), однако в оцифрованных экземплярах этих номеров, доступных для ознакомления на сайте Центра Андрея Белого, стихов Б. Иванова нет. Уточнить, публиковались ли стихи Б. Иванова в самиздатских журн. «Вегетарианская правда», «Zusammen» и «Красный шедриец», в издании которых он принимал участие, пока не представляется возможным в силу недоступности этих источников.

³ *Иванов Б.* Стихи // Звезда. 1997. №7. С. 106–107. Далее: *Иванов 1997*. Из опубликованных здесь 8 стихотворений 5 входили в состав *Иванов Часы*. Впервые увидели свет следующие тексты: «Я песен не знаю...», «Как к солнцу простертые руки...», «Мой друг разносит...». В настоящей публикации стихи из этой подборки даны в другой авторской редакции (изменения коснулись строфики и синтаксиса).

тот здравый смысл, который позволяет человеку выходить из заблуждения, то есть сейчас реализм выполняет функцию настоящей религии – люди верят в реальность».⁴

Другим выступает Б. Иванов в автобиографии. Рассказ о детских впечатлениях (восприятие себя через литературу, восхищение музыкой Грига, необходимость выбора между отцом и матерью)⁵ заставляет вспомнить Андрея Белого («Почему я стал символистом...»):

«Я себя воспринимал среди литературных героев: одни мне были близки, другие похожи на меня, на третьих я хотел бы походить. Литература вмещала огромный мир, прекрасный тем, что в нем ты выбираешь, каким хотел бы быть.

После школы я забирался на диван с книгой, а из-за стены доносились фортепианные пассажи моего двоюродного брата Юрочки, отличника школы при консерватории.⁶ Будет день, когда на Боровой улице весь местный пролетариат застынет у репродукторов: 14-летний Юра Ионов исполняет концерт для рояля с оркестром Грига...⁷

Отец показал, как слова рифмуют стихотворцы. В 4-м классе я уже мог писать сочинения стихами. Братец стал смотреть на меня с почтением. Дома между тем назрела драма: родители – с характерами, скандалы. <...> Поступаю “по-книжному” – следуя за отцом...».⁸

Борис Иванов окончил филологический факультет Ленинградского университета, он учился одновременно с М. Красильниковым, Ю. Михайловым, М. Ерёмным, Л. Лосевым (Лифшиц), С. Кулле – чей поэтический круг позже получил название «филологическая школа». В то время, однако, сам он не был

⁴ Запись для Звукового архива кафедры Истории русской литературы СПбГУ произведена Ю. Валиевой в 2014 г. дома у Б. И. Иванова. Свое истолкование «реализма» Б. Иванов выразил в серии статей: *Иванов Б.* Реализм и личность // Часы. 1981. № 32, 33; 1982. № 35, 36, 38.

⁵ Отец Б. И. Иванова – *Иван Иванович Иванов*, род. в 1907 г. в дер. Борки, Шотовской вол., Старорусского уезда, Новгородской губ. Погиб в 1942 г. на Карельском перешейке. Мать – *Варвара Петровна Иванова* (урожд. Митрофанова), род. в 1906 г. в дер. Плетневка, Тихоновской вол., Калужского уезда, Калужской губ. Умерла в 1980 г. в Ленинграде. Во второй половине 1920-х гг. И. И. Иванов работал на ст. Сортировочная Северо-Западной железной дороги, сначала учеником, затем «смасчиком» (ЦГА СПб., ф. 1963, оп. 180, № 6288, л. 736 об.–737). По словам Б. Иванова, отец не получил образования («один класс школы»), но тянулся к искусству (купил в нач. 1930-х гг. на аукционе рояль и два живописных полотна с изображением пейзажей).

⁶ *Ионов Юрий Аркадьевич* родился 24 авг. 1925 г. в Ленинграде в семье скрипача Аркадия Ивановича Ионова (1899 г. р.) и Анны Петровны Ионовой (1902 г. р.). Музыкант-пианист, учился в специальной группе для талантливых детей при Ленинградской консерватории, затем в Консерватории (не закончил по болезни). Семья Ивановых и Ионовых жила в доме 100 по Боровой ул., в соседних квартирах.

⁷ За блестящее исполнение концерта Грига с оркестром школы-десятилетки и с оркестром радиокомитета Ю. Ионов получил в подарок рояль.

⁸ *Иванов Б.* Автобиография// К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2015. С. 71. Опубликованная здесь автобиография написана Б. Ивановым в 2014 г. по нашей просьбе.

увлечен поэзией, его привлекала новая журналистика и публицистика (его дипломная работа была посвящена творчеству В. Овечкина), «[с]тихи в ту пору я считал заведомо ограниченным средством самовыражения»⁹ и для себя рассматривал только в качестве одного из приемов сюжетостроения и создания характера персонажа. Среди событий студенческой жизни, повлиявших на его становление, назовем выход факультетского студенческого машинописного журн. «Голубой бутон» (1955).¹⁰ Б. Иванов присутствовал как член партии на партбюро филфака, во время обсуждения его содержания:¹¹

«Я видел и листал этот журнал, когда его экземпляр оказался в партбюро филфака. На меня огромное впечатление произвел разговор в том же партбюро между автором и, вероятно, редактором журнала Аскольдом Богдановым и представителем обкома ВЛКСМ. На грубые насюки “представителя” Аскольд отвечал умно, твердо, с достоинством. Эту беседу в ее основных поворотах я описал в повести “Поденок”».¹²

В связи с темой данной статьи эта повесть (впервые опубликованная в 1976 г. в самиздатском журн. «37») заслуживает особого упоминания. По крайней мере три стихотворения¹³ из дневника главного героя этой повести молодого поэта Шведова, приговоренного к расстрелу за убийство своей возлюбленной, – «Такая сказка есть о красном...», «Что я наделал, что я натворил!...», «Как мне отдохнуть от ожиданий...» – являются стихотворениями самого Б. Иванова. Второе и третье из них были представлены незадолго до этого

⁹ Иванов Б. Автобиография. С. 78.

¹⁰ Авторами журнала были: Аскольд Богданов, Платон Афанасьев, Владимир Пуписов, Анатолий Фабричный, Роман Гольцов. О журн. «Голубой бутон» см.: *Солохин Н.* Подснежники «оттепели» // Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы»). Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г. [СПб.]: НИЦ «Мемориал», 1993. С. 22–31.

¹¹ Б. Иванов вступил в партию во время службы в армии.

¹² *Иванов Б.* По ту сторону официальности // Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы»). Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). С. 82. Повесть Б. Иванова «Поденок» датирована автором 1968 г., впервые опубли. в 1976 г. в самиздатском журн. «37» (№7/8, текст произведения имеет свою нумерацию). Далее: *Иванов 37*, цит. по оцифрованному экземпляру: <http://samizdatcollections.library.utoronto.ca> [электронный ресурс, дата доступа 26.06.2019], ссылки на этот источник с указанием страниц даются в тексте в круглых скобках. В официальной печати: *Иванов Б.* 1) Поденок // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1960-е. СПб., 2002. С. 273–324 (далее: *Иванов 2002*); 2) Поденок // *Иванов Б.* Соч.: в 2 т. Т. 2: Невский зимой. М., 2009. С. 13–78 (далее: *Иванов 2009*). В дальнейшем при цит. стихов из повести ссылки на эти издания с указанием страниц даются в тексте в круглых скобках.

¹³ Состав стихов в разных изданиях повести претерпевал изменения. Ср.:

Иванов 37: «Нет, я могу остановить минуты...», «А ну вас к черту, петухи!...», «Мне все равно, какой...», «Бесконечность – такая скользкость...», «Как мне отдохнуть...», «Что я наделал, что натворил!...», «Здесь хотят разделить постель наполовину...», «Пластинка с Бахом...», «Платье сбросит дева легко...», «Такая сказка есть о красном...».

Иванов 2002: «А ну вас к черту, петухи!...», «Мне все равно, какой...», «Что я наделал...», «Пластинка с Бахом...».

Иванов 2009: «Нет, я могу остановить минуты...», «А ну вас к черту, петухи!...», «Мне все равно, какой...», «Как мне отдохнуть...», «Что я наделал...».

в журн. «Часы». Интересно, что в составе повести их текст отличается: придерживаясь идеи типизации, автор «затушевывает» автобиографическую линию повествования и в то же время, благодаря произведенному «сдвигу», привлекает внимание к подтексту и семантическим нюансам.

Так, в стихотворениях «Такая сказка есть о красном...»¹⁴ и «Что я наделал, что я натворил!..» была произведена лексическая замена: в первом из них «кровь» → «любовь»; во втором «сотворил» → «натворил». Изменения коснулись также строфики и ритмико-синтаксического уровня.

На что решился!
Что я сотворил!
Я все разъял
и все соединил
в фантазии
нетерпеливой и поспешной.
И этот мир,
и мир нездешний
меня от зла
освободил. (*Иванов Часы*, 143–144);

Что я наделал, что натворил!
Я все разъял и все соединил
В фантазии нетерпеливой и поспешной.
И этот мир, и мир нездешний
Меня от зла освободил. (*Иванов 37, 48*)

Стихотворение «Как мне отдохнуть от ожиданий...» подверглось значительной авторской переработке и воспринимается скорее аллюзией на первоначальный текст.

Как мне отдохнуть от ожиданий,
как не торопить
возможных встреч!
Ускоряя торжество свиданий,
не вышептывать
ночами речь!
Как уйти с перрона?
Как домой вернуться –
стаканы
составить
в буфет,
пледом на диване завернуться,
знать, что в эти дни приезжих
нет! (*Иванов Часы*, 155–156);

¹⁴ Такая сказка есть о красном,
о красном, но не о любви, –
о красных веках в зрении напрасном,
о красном шепоте без любви. (*Иванов 37, 80*).
Ср. текст 1961 г. в настоящей публикации.

Как мне отдохнуть
От ожиданий,
Как мне не желать
неверных встреч,
как не ожидать мне
опоздавших,
не готовить им
ночами речь?... (Иванов 37, 34)

Повесть «Подонок» посвящена однокурснику Б. Иванова Риду Грачеву, прозаику, поэту, переводчику, которого он считал своим «литературным проводником».¹⁵

Поэзию Б. Иванова 1960-х гг. отличает художественная форма фрагмента, отрывка: краткость, афористичность, семантическая акцентировка первых строк (например: «Есть дни, которым нет примет...», «В конце концов / останешься один...», «Никто, ничто не примирит...», «Неужели опять ничего не случится!?...», «Мир нас не ждал. / Дороги безотрадны...», «Мы умираем каждый день...», «Будет день и отсею слова...»). Его стихи этого периода представляют собой своего рода эмбрион мысли и нередко построены на антитезе:

Вера смотрит с каждого
детского лица
И ищешь подозрительно
рядом
подлеца. (1962)¹⁶

Постепенно поэзия для Б. Иванова становится формой интеллектуальной рефлексии, метаописания, по сути литературно-критического обобщения прочитанного (прозы и эссеистики Риды Грачева, выполненных им переводов «Мифа о Сизифе» А. Камю и произведений А. де Сент-Экзюпери; поэзии Л. Аронсона). Примером такого рода текстов являются миниатюры: «Я пришел к тебе еще вчерашний...», «Что такое эпоха?...», «Мой друг разносит...», «С меня срывали одежду...», «За маски заглядываю...», «Трава, трава, трава...», «Растворю окно солнцу...».

«Тезой» для поэтического высказывания Б. Иванова служат и его собственные теоретические идеи, в том числе концепция «культурного движения», впоследствии выраженная в серии статей. Обратим внимание на стихотворение

¹⁵ О знакомстве с Ридом Грачевым в университете Б. Иванов писал: «Мог ли я предположить, что уже через четыре года Рид Вите станет моим литературным проводником, притом, что был на семь лет меня моложе, что я доверюсь его литературному вкусу, что благодаря ему окажусь в лучшем городском ЛИТО при издательстве “Советский писатель” (руководил М. Слонимский) и окончательно освобожусь от марксизма» (Иванов Б. Легенда шестидесятых – Рид Грачев // Грачев Р. Письмо заложнику. Сочинения. СПб., 2013. С. 11). Рид Грачев, наряду с поэтами журн. «Голубой бутон», был одним из прототипов главного героя «Подонка». Вопрос о прототипах персонажей этой повести требует отдельного анализа. Укажем только, что в стихах Шведова ощущена отсылка к поэзии Р. Мандельштама и Л. Аронсона. Основу же фабулы, как было не раз отмечено современниками и исследователями, составляет «дело В. Швейгольца» (1965), убившего свою возлюбленную (см., например: *Бобышев Д. ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ: Трилогия. Кн. II. Автопортрет в лицах.* Idyllwild, CA, USA: Charles Schlacks, Publisher, 2014. Т. 2. С. 41–50).

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 935.

«Здесь так же все...», 3-частная композиция которого передает идею Б. Иванова о трех реальностях (личности, социума, природы), лежащих в основе «парадигмы выбора» (см. его статью «Возвращение парадигмы»). В то же время это стихотворение обращено к значимой для автора философской проблематике: «время» и «экзистенциальное состояние» человека; изменение экзистенциального состояния и социум.

Здесь так же все –
опущены гардины,
и тлеет сигарета на столе,
и ржавые кривые исполины
выкапывают что-то во дворе.

Я уезжал всего лишь на два дня,
но на балконе выросла трава. (1968 ?)¹⁷

Очевидно, что поэтическое творчество понималось Б. Ивановым в духе Рене Гиля или «научной поэзии» В. Брюсова – актом познания, направленным, в том числе, на исследование самого языка поэзии. Так, стихотворение «Я разбудил себя...» является по сути комментарием к грамматическому аспекту стихотворения Тютчева «Silentium» (семантике возвратности в строке «Как сердцу высказать себя?») и упражнением на «закрепление» материала. Стихотворение Б. Иванова состоит из 2 частей: первая часть из четырех строк основана на приеме парафразы (обыгрываются возвратные глаголы «проснулся», «оделся», «поцеловался», «отправился»); во второй части из двух строк приводится пример отношений возвратности / пассивности из сферы мореходства:

Я разбудил себя,
себя одел в пальто,
поцеловал свой лоб
и вывел на дорогу...
Так от причала буксир выводит
беспомощные в реках корабли. (1968)¹⁸

Вадим Крейд в эссе «Экзистенциальный философ» пишет о Б. Иванове: «Как творческая личность Б. И. сформировался в шестидесятые годы. Был зависим от духовной вибрации той эпохи».¹⁹

Из литературного и художественного контекста (в том числе материалов, опубликованных в журн. «Часы»), оказавшего влияние на эстетическую позицию Б. Иванова-поэта, нужно назвать творчество Роальда Мандельштама²⁰ и художников арефьевского круга. С последними его сближает отношение к процессу письма / рисованию как к ситуации исключительной, требующей напряжения эмоциональных и интеллектуальных сил. Цикл Р. Мандельштама

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Крейд Вадим. Экзистенциальный философ // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны». Т. 5 Б. Цит. по: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/kreid3.htm> [электронный ресурс, дата доступа 08.08. 2018].

²⁰ В журн. «Часы» стихи Р. Мандельштама опубли. в № 2 (1976), № 6 (1977), № 13 (1978), № 22 (1979).

«Четверостишия» стал для Б. Иванова материалом для изучения потенции этой формы и создания собственных текстов. Например:

Считаю дни, как шаги на дуэли:
раз, два, три.
Так и жил все эти недели,
и сходились, сходились враги. (1972)²¹

Начало 1970-х гг. знаменует появление лирической поэзии Б. Иванова, особенностью которой является взаимосвязь любовной лирики с темой города, петербургскими мотивами, строфическая организация текста, визуальный характер образов. К этому времени относится вхождение Б. Иванова в философский кружок братьев Константина и Михаила Ивановых,²² знакомство с художницей Татьяной Кернер,²³ сближение с В. Гаврильчиком, совместная с ними и В. Крейдом работа на шаландах: «Ситуация была такая. Впереди идет катер-буксир, он тянет на двойном стальном тросе две шаланды. <...> На одной шаланде полагалась команда в два человека и на другой такая же. Я помню, Гаврильчик плавал с Костей Ивановым. А я работал с Борисом Ивановым»;²⁴ «На шаландах, сцепленных парами, атмосфера была дружеская и живая. В промежутках между швартовками, погрузкой и разгрузкой, на стоянках, в штормы многодневные, писались картины, шуточные и серьезные статьи в рукописную газету “Zusammen” («Вместе»)».²⁵

Примером новой поэтики Б. Иванова могут служить стихотворения «Парк ночью», «Узнаю эти звуки...», «Я бы хотел сказать...». Так, в первом из них образы адресуют к мотивам картин Т. Кернер («Облака над заливом», «“Грязнухи” на канале»), содержат аллюзии на стихотворение Р. Мандельштама («Тучи. / Моржовое лежбище булок/ Еле ворочает даль./ Утром ущелье – Свечной переулоч, / ночью – Дарьял, Ронсеваль»):

Ночью парк напоминает
лежбище морских котиков:
черная лоснящаяся кожа прудов
выпукла за листвою.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 935.

²² Д. Бобышеву запомнилось выступление Б. Иванова на заседании этого кружка, когда «обсуждался вопрос “Почему я христианин?” – таково было название книги о. Сергия Желудкова, вышедшей на Западе. Книги никто не видел, но братья устроили обсуждение самой этой темы. <...> Борис Иванов, писатель <...>, объявил, что он агностик, но поддерживает христианство ради свободы совести» (*Бобышев Д.* ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ: Трилогия. Кн. II: Автопортрет в лицах. Т. 2. С. 174).

²³ *Кернер Татьяна Семеновна* (1941, Сталинград – 1973, Ленинград) – художник. Училась в средней художественной школе (СХШ) при Академии художеств, затем на постановочном факультете ЛГИТМиК. Гражданская жена Б. И. Иванова. Покончила жизнь самоубийством. См. о ней: *Гуревич Л.* Художники ленинградского андеграунда: Биографический словарь. СПб., 2007. С. 71–72.

²⁴ *Крейд В.* Из беседы с Ю. Валиевой. США, Айова-Сити (штат Айова). Осень 2011 г. // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья... С. 94–95.

²⁵ *Иванов М.* О художественной школе и Татьяне Кернер. Из беседы с Ю. Валиевой. Царское Село. 10 июля 2014 г. // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья... С. 512.

Статуи кажутся порочными,
а молодые люди, с транзисторами и сигаретами,
громко заявляющие о себе, –
робкими дилетантами свободы. <...> («Парк ночью»)

В настоящей публикации представлена также сатирическая поэзия Б. Иванова, в том числе периода издания им машинописного журн. «Красный щедринец» (1986–1990), имевшего подзаголовок «Журнал вневедомственной сатиры», в котором пародировались рубрики и темы советских газет.²⁶

* * *

Открытием языка поэзии в плане концептуализации теоретических идей стало для Б. Иванова стихотворение В. Кривулина «Вопрос к Тютчеву» (1970),²⁷ прочитанное сквозь призму семиотики. В особенностях субъектно-объектных отношений «Я – ТЫ – МЫ» Б. Иванов увидел авторский посыл: необходимость создания «культурного проекта», основанного на коммуникации особого типа («МЫ»):

«Знакомясь со мной, В. Кривулин дал мне листочки со своими новыми стихами. <...> При первом прочтении стихов Кривулина я попросту их не понял. Снова и снова вникая в сплетение слов, я вдруг догадался, что в стихотворение “Я Тютчева спрошу; в какое море гонит/ обломки льда советский календарь...” заложен смысл целого манифеста. В нем спасительная роль культуры предстала в эпоху исторического безвременья, и в призыве к современнику: “Родства к истории родной / не отрекайся, милый, не надейся, / что бред веков и тусклый плен минут/ тебя минует...”. А когда понял, написал большую статью “Часы культуры”,²⁸ – о сердцевине “нового литературного проекта”, в основе которого “хоровое начало”: поэт обращается от своего “я”, к “ты” и к “мы” – к поколению, к обществу».²⁹

Б. Иванов уточнил датировку этого стихотворения – ноябрь 1970 г.,³⁰ после похорон Л. Аронсона, в самоубийстве которого видел знак завершения эпохи 1960-х.

²⁶ О журн. «Красный щедринец» см.: Самиздат Ленинграда. С. 414. Произведения Б. Иванова публиковались здесь под псевдонимом «П. Рубероид». Сатирическая поэзия Б. Иванова, безусловно, связана с его общественными и политическими взглядами этих лет (участием в организации «За Народный фронт», партии «Демократический выбор России»). См.: *Иванов Б. Автобиография*. С. 81–85.

²⁷ Это стихотворение вошло в самиздатский сборник В. Кривулина, изданный в 1979 г. в качестве Приложения к журн. «Часы» (далее: *Кривулин* 1979).

²⁸ Это название перешло к сборнику статей, в его составе статьи: «Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6. Б. н.), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8. Б. н.), «Повторение пройденного» (Часы. 1978. № 12. С. 235–265). В статье «Возвращение парадигмы» Б. Иванов писал: «...в поэзии Виктора Кривулина я вижу для себя больше возможностей выразить свою сопричастность к тому, что называю новым культурным ростом» (*Иванов Б. Возвращение парадигмы // Часы*. 1977. № 6. Б. н.).

²⁹ *Иванов Б. Автобиография*. С. 78.

³⁰ В книге В. Кривулина «Охота на Мамонта» это стихотворение, открывающее Предисловие, датировано «24 июля 1970 года, 5 часов утра» (*Кривулин В. Охота на Мамонта*. СПб., 1998. С. 5). Одним из аргументов Б. Иванова в пользу своей версии датировки является соответствующее указание в сборнике *Кривулин* 1979.

К своему толкованию «Вопроса к Тютчеву» как «культурологического проекта целого поколения», осмыслению времени его написания и произошедшей смене парадигм Б. Иванов возвращался неоднократно: в статьях по теории культуры, в рецензиях на публикации в «Часах», в докладах о поэзии Л. Аронзова и В. Кривулина. В ракурсе исследования творческого пути этих авторов итоговыми в развитии данной темы стали статьи Б. Иванова «Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса» (1944–2001)³¹ и «Как хорошо в покинутых местах (Леонид Аронзон. 1939–1970)»,³² вошедшие в книгу «Петербургская поэзия в лицах» (2011).

Эта книга, включающая в себя очерки о Р. Манделштаме, Гл. Горбовском, В. Сосноре, А. Кушнере, Д. Бобышеве, Л. Аронзоне, И. Бродском, В. Кривулине, А. Миронове, представляет часть задуманного Б. Ивановым фундаментального коллективного труда о неподцензурной поэзии 1950–1980-х гг. О масштабности этого замысла можно судить по многочисленным подготовительным материалам, находящимся в составе архива Б. Иванова в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 935. Это сделанные Б. Ивановым выписки из исследовательской литературы, библиографические записи, его собственные заметки о стихах, нередко прямо на полях того или иного текста, переписка с потенциальными авторами статей, составленные им «внутренние рецензии» на поступившие рукописи.

Большой интерес представляют материалы фонда 935, фиксирующие этапы разработки Б. Ивановым указанного выше сюжета, изменения теоретического подхода и акцентировки.³³ Приведем несколько примеров.³⁴

1. Фрагмент стенограммы выступления Б. Иванова (машинопись, 2 л.). Текст озаглавлен: «Дискуссия 1.10.99 г.». Здесь отмечаются изменения, произошедшие в 1960-е гг. в психологии творчества.

«Б. Иванов. Мне приходилось писать о 60-х годах. Я пытался найти типовые черты для той среды и для творчества того времени. Из этой советской

³¹ *Иванов Б.* Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса (1944–2001) // *Петербургская поэзия в лицах: Очерки* / сост. Б. Иванов. М.: НЛЮ, 2011. С. 293–368. Далее цит. по этому источнику. (Первая публикация: НЛЮ. 2004. № 68).

³² *Иванов Б.* Как хорошо в покинутых местах (Леонид Аронзон. 1939–1970) // *Петербургская поэзия в лицах*. С. 158–238.

³³ На первых этапах разработки Б. Ивановым этого сюжета теоретической основой для него, скорее всего, были работы М. М. Бахтина, Т.-С. Элиота, Ю. М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, в том числе: *Бахтин М. М.*: 1) Проблема речевых жанров // *Литературная учеба*. 1978. № 1. С. 200–219; 2) Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; 3) Эстетика словесного творчества. М., 1979; *Элиот Т.-С.* Религия и литература // *Часы*. 1978. № 13. Б. н.; *Лотман Ю. М.*: 1) Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970; 2) Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970; 3) Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л, 1972; 4) Заметки о поэтике Тютчева // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 604. С. 3–16; *Лотман Ю., Успенский Б.* О семиотическом механизме культуры // *Труды по знаковым системам*. V. Учен. зап. ТГУ. Тарту, 1971. Вып. 284; *Вяч. Вс. Иванов.* Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1973. Вып. VIII. С. 5–44 (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 308).

³⁴ Далее архивные материалы Б. Иванова цит. по: РО ИРЛИ, ф. 935. Фонд находится в процессе обработки.

действительности был настоящий исход. И если Бродский, уходя от этого, отстреливался и не прощал чего-то, то поэты Малой Садовой отказались от соц. тематики, как таковой. <...> В то время, когда бегство осуществилось и стала создаваться новая среда, здесь возникли новые творческие факторы. Возьмите положение человека, который утром встает, который не забывает, что он – поэт и, в то же время, не забывает, что должен оставить в этом мире что-то. И в то же время он никому в этом мире не нужен, и нет никаких объективных факторов, которые заставили бы его садиться за перо, потому что кто-то ждет его журнал... И мотив исчезает. И тогда внутренняя мотивация становится очень специфичной, неожиданной: ты свободен, ты можешь ничего не писать. У тебя должно быть внутреннее принуждение. Но ты отказался от принуждения.³⁵ Очень важна была перемена состояний. Эти состояния являлись хозяином судьбы человека. Это – состояние творческого экстаза (у Бродского это слышно, когда он, в этом состоянии, *гонит строки*, со всей яростью и отдачей) и депрессивное состояние. <...>

Аронзон свою жизненную установку видел в том, что в этих экстатических состояниях он воспринимает мир в высшей гармоничности и прекрасности. И только тогда. Поэтому от своих собственных призывов он очень зависел.³⁶ <...>

Я придаю этим словам большое значение для понимания внутренней судьбы и драмы Аронзона. И каждое состояние – окончательное, и что, в момент отчаяния, действительно, может казаться, что дальше, кроме этой депрессии, ничего нет. Это может положить предел жизни. В связи с этим я вспоминаю поэзию А. Морева,³⁷ который написал строки о том, что все возвращается к восторгу. Тот восторг, который можно пережить, и тот восторг, когда и жить уже дальше не нужно, не стоит. С этими стихами он и погиб.

Конечно, Аронзон, как личность и как поэтическая индивидуальность, стоит особняком. В. Кривулин рассматривает его, как конец эпохи, а не начало. Он не видит продолжения, так как все началось другое, сегодня это подтверждалось.

Это, действительно, было бегством от тех состояний, которые были. Бессмысленность и тупиковость перемены состояний чувствовали очень многие. И обращение к культуре, как к более стабильному, основательному, обреченному на вечность (культура на это претендует), и к религии – эти новые ориентиры стали формировать новую волну поэзии 70-х годов. <...>

Получилось так, что весной Аронзон читал стихи в библиотеке, на Полтавской, а осенью все узнали о его гибели. Это известие переживалось, как предзнаменование рокового конца [для всех].³⁸

³⁵ Строки подчеркнуты карандашом. Курсивом здесь нами передается авторское подчеркивание черной шариковой ручкой.

На полях напротив этого фрагмента написано: «Внутреннее принуждение – страх, экстаз, страх – «без следа», страх исчезновения».

³⁶ Далее Б. Иванов цитирует «Качели» Л. Аронзона.

³⁷ Б. Иванов посвятил А. Мореву свою повесть «Жатва жертв».

³⁸ После этих слов идет реплика «из зала»: «Нужно какое-то более оптимистическое завершение», затем краткое заключительное слово Л. Зубовой. Здесь и далее, кроме особо оговоренным случаев, в квадратных скобках даются слова, вписанные автором сверху.

Впоследствии пересматривая текст стенограммы, Б. Иванов приписал внизу 2-го листа следующее:

«Собственно, люди [в определенные эпохи] делятся по этому признаку = либо человек охвачивается восторгом творческих состояний, либо нет = ему нужна внешняя мотивация = хотя бы страх не выполнить приказ, задание.

Закон (?) это социальное состояние = (не взбивай пену, наслаждайся тишиной), когда внешняя мотивация становится минимальной и [тогда] на первый план выходят те, кто двигаем внутренним принуждением, что кажется в эти эпохи аномальным...».³⁹

2. Конспект выступления Б. Иванова на организованном им семинаре «История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы».⁴⁰

Б. д. Анализируя рассказ-стихотворение В. Кривулина «Полдня длиной в одиннадцать строк»,⁴¹ Иванов вновь обращается к категории «МЫ», проясняет свое ее понимание:

«МЫ – это товарищи по призванию и судьбе, отлученные от типографского станка, и МЫ – это те, кто наделен исторической культурной миссией *восстановить «связь времен»* (курсив автора. – Ю. В.).

Смысл МЫ драматически прорезался в те дни, когда вся молодая поэтическая братия Петербурга была подавлена добровольным уходом из жизни Леонида Аронсона, с которым Кривулин еще недавно спорил и считал продолжателем *тютчевск<ого> направления* в поэзии.

Стихотворение “Вопрос к Тютчеву”, написанное в ноябре 1970 г., звучит как реквием...».⁴²

³⁹ Л. 2, внизу страницы. От руки, черная шариковая ручка. С правкой. Вверху этой страницы, на полях написано: «Это мистическое опьянение. Экстатич. – души».

⁴⁰ Семинар проходил в помещении Музея Анны Ахматовой.

⁴¹ Произведение В. Кривулина «Шестое стихотворение, данное в контексте: “Полдня длиной в 11 строк” (рассказ, записанный как приписка к письму)» было опубликовано на страницах самиздатского журнала «37» (1977. № 11, май–июль, б. н.), в рубрике «Стихи и о стихах». Републиковано: *Кривулин В. Полдня длиной в одиннадцать строк* // Часы. 1977. № 9. С. 232–255. (Выпуск составлен по материалам журнала «37».) Отметим, что в оцифрованном экземпляре этого номера на листе с оглавлением указан 1978 г. (<http://samizdat.wiki/images/8/83/ЧАСЫ9-1-Обложка-и-содержание.pdf>. [электронный ресурс, дата доступа 08.08. 2018]). Это стихотворение-эссе вошло в состав материалов В. Кривулина, переданных в РО ИРЛИ, см.: «Полдня длиной в 11 строк». Авторефератология Виктора Кривулина / публ. П. С. Горякина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 804–824.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 935, л. 2. Текст озаглавлен «Начало. Одиннадцать строк». Компьютерный набор. Отдельные предложения выделены графически (подчеркиванием, курсивом, жирным шрифтом). Правка черной шариковой ручкой.

На полях л. 1 вписано: «К середине 70-х годов неофициальная литература в процессе своего свободного развития наметила превзошла стиховую культуру государства». Эти слова предполагалось вставить после предложения: «Как видим, творческая биография Кривулина – энергичное преодоление полувекового отставания отечественной поэзии». А. Скидан в предисловии к публикации одного из вариантов этого текста Б. Иванова, переданного ему автором в 2011 г., упоминает доклад Иванова на эту тему на семинаре в Пушкинском Доме в 2009 г. См.: *Иванов Б. И.* «Одиннадцать строк», которые взорвали «культурологический проект» Виктора Кривулина // НЛЮ. 2018. № 4 (152). С. 238–249.

Здесь же стихотворению В. Кривулина «Вопрос к Тютчеву» дается определение: «Это реквием – и рождение нового литературного проекта», отсылающее к статье Е. Замятина «Завтра» («Всякое сегодня – одновременно и колыбель, и саван: саван – для вчера, колыбель для завтра»).⁴³

3. Заслуживают внимания пометы Бориса Иванова к трем стихотворениям В. Кривулина раннего периода: «Начало века», «Памяти Мандельштама» («Мы-то знаем цену вере...»), «Художник» («Как теплое дыханье...»), дающие представление о его «оптике» чтения текста и свидетельствующие о том, что изучение периодизации неподцензурной литературы через творчество Кривулина продолжалось и в последующие годы.

Эта подборка имеет общее заглавие «Виктор Кривулин. 1964»,⁴⁴ больше всего комментариев у Б. Иванова вызвало стихотворение «Начало века». Сверху на листе, напротив первых двух строф он записывает:

«Ностальгия по прошлому, [память], напитанная стихами, кипением страстей, движением.

Дружеские попойки, движенья летящих в непогоду троек.

Для поддержания нашей силы = волей выдвигание нового идеала = культурного проекта, решения гамлетовской задачи = связать <нрзб.> столетия (эта точка зрения была и у Р. Мандельштама). Однако “оттепель” перевела задачу не ностальгии, а протеста».

Дугой на полях отмечены 3-я и 4-я строфы:

Тогда – задача романиста
для поддержания нашей силы
создать звенящий, как монисто,
бубенчиками по России

и романтический и светлый
окутанный рассветной дымкой
свой идеал начала века –
эпохи радостной и дикой!

Напротив 3-й строфы, на свободном поле, выписаны слова «задача романиста», перед 4-й строфой дана ремарка-комментарий: «культурный проект».

В 6-й строфе подчеркнуто выражение «зажмурь глаза от бега» в 1-й строке:

И вот – зажмурь глаза от бега
вдоль по сверкающему льду
огней, коней, начала века
с пальбой и песней на ходу...

Рядом реплика Б. Иванова: «и не видеть (зажмурить глаза) настоящ. – это Буковски назвал “ужасом настоящего”».⁴⁵

⁴³ Замятин Е. И. Завтра // Замятин Е. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 402.

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 935. На 3 листах формата А4. Компьютерный набор.

⁴⁵ Имеется в виду американский писатель и поэт Чарльз Буковски (1920–1994). Три его стихотворения («не знает зла преисподняя...», «эдди и ив», «3 : 16 с половиной...») в пер. М. Иоссея были опубл. в журн. «Чась» (1984. № 48. С. 158–162).

Справа от 15-й строфы – комментарий: «О проекте!»:

Так начинается. Вначале –
слова. Обдумается план;
в высоких комнатах ночами
табачный стелется туман. –

относящийся и к следующей, 16-й строфе, очеркнутой сбоку:

Когда достаточно узнали
утопий сладостный размах –
ясней становятся детали,
реальней – вера, зорче – страх.

После стихотворения «Художник» («Как теплое дыхание...»), последнего из трех в этой подборке, Б. Иванов резюмирует:

«В стихах 1964 обозначен культурный проект, обозначены его мотивы».

Как составитель и редактор книги исследований о поэтах Б. Иванов не удовлетворялся технической стороной дела. Приведенные им в переписке с авторами и во внутренних рецензиях сведения, касающиеся исторического контекста, уточнения, контраргументы, затем им дорабатывались и переносились в собственные статьи. Например, из черновика письма автору статьи об Аронзоне: «в 60-е годы не было таких выражений, как официальная культура (литература) и неофициальная, “андеграуд”. Я впервые встретил эти выражения в 70-м или 71-м году в статье иностранного автора, побывавшего в СССР. Было в ходу деление “печатный” автор или “непечатный”»;⁴⁶ «...интересно обратить внимание на радикально различающиеся ценностные ориентации поэтов. А за этим – разные судьбы, разная лексика, разная мифология и, в конце концов, разные предпочтения читателей, критики и разное место в литературном процессе».⁴⁷

4. Особый интерес представляет лист с рукописью фрагмента текста с заглавием «Кривулин» и черновика стихотворения самого Б. Иванова «Оно не может быть таким...», датированного 27 мая 2008 г. Рукопись с правкой на одной стороне листа А4, черная шариковая ручка. набросок относится, по всей видимости, ко времени работы Б. Иванова над подготовкой собрания сочинений Рида Грачева,⁴⁸ чью роль в независимом культурном движении 1960-х гг. и в своем собственном творческом становлении считал исключительной. Размышления Б. Иванова начинаются с темы эскапизма и его проявлений в поэзии Л. Аронзона и В. Кривулина. В характере же развития темы и языке рассуждений ощутимо влияние экзистенциальной проблематики философских

⁴⁶ Ср.: «Выражение “вещь непечатная”, как знак ее особого достоинства, впервые прозвучало в ленинградских ЛИТО в середине шестидесятых годов» (Иванов Б. Эволюция литературных движений в пятидесятые–восемидесятые годы (Тезисы) // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: Сб. статей. СПб.: Деан, 2000. С. 24).

⁴⁷ РО ИРЛИ, ф. 935.

⁴⁸ Грачев Р. Письмо заложнику. Сочинения. СПб., 2013. Б. Ивановым написана вступительная статья к этому изданию: «Легенда шестидесятых – Рид Грачев».

эссе Р. Грачева «Значит, умирать?», «Уязвимая смертью болезнь», а также статьи В. Кривулина «Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня» и его высказываний об Аронзоне:

«Для Ар. весь мир живет в эротическом напряжении, Кр. говорит о том, что лишь через боль, страдание, мы узнаем существо мира, образ *факта познающего*⁴⁹ язык, образующий скол стекла, капелька крови, вкус познания, без боли мы остаемся в себе в ОНО.⁵⁰

И тут нужно помнить, что боль приходит – и видимое, и ощущаемое, от любимого и ненавистного, от будущей смерти и умерших в прошлом.

Боль – это повседневность и неудовлетворенность повседневностью.⁵¹

Кр. чувствует видит – и видит себя, видит объект переживания и себя переживающим.

Неблагополучие мира, как основное его переживание, – и в то же время [открытая] возможность достижения [умиротворяющей] тождественности [с ним] пофейсовым “модуляции соболезненных состояний”; и поэтическими формами и модусами.

[Кр.] Его духовность пластична, очарована возможностями языка, который принадлежит всем и никому.⁵² Язык – единственное, что не заслуживает упреков, а Бог – к нему можно обратиться, – но не являться поэту. Бог пространственен. Его Бог почти Бог Аронзона.

Кр., очевидно, осознает, когда он присутствует при видимом и ощущаемом и когда описывает созерцаемое вне “болевых” рефлексов, это подобно художнику, который пишет пейзаж на пленере, и когда воссоздает его в виртуальном

⁴⁹ В правке: изменен порядок слов.

⁵⁰ Имеется в виду хайдеггеровская категория «тан». Ср. эссе Р. Грачева «Значит, умирать?».

⁵¹ Возможно, размышления Б. Иванова навеяны также статьей В. Кривулина «Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня» (К истории неофициальной поэзии Ленинграда 60–80-х годов) // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: Сб. статей. СПб., 2000. С. 99–109.

В экземпляре этого сборника из библиотеки Б. Иванова красным карандашом на полях очерчены строки: «Мы вышли из символизма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Фигура Блока по крайней мере до конца 60-х годов оставалась для нас ключевой. С легкой руки автора “Двенадцати” советская коммунальная реальность воспринималась нами как некая символически замутненная и искаженная среда, как аномалия, скорее духовно-мистическая, нежели социально-политическая» (С. 100). Следующее за этим фрагментом предложение тоже выделено читающим: в тексте черной шариковой ручкой отмечены его начало и конец, на полях – галочкой.

⁵² Один из возможных источников этого наброска – интервью В. Кривулина В. Кулакову: «...И вот я ощутил свою анонимность в этом хоре, счастливую анонимность. Связано это было еще со смертью, смертью человека, которого я терпеть не мог, с которым мы все время ругались – со смертью Лени Аронзона. Я вдруг физически ощутил, что все люди, которые умерли, на самом деле присутствуют среди нас. Они присутствуют через язык, через слово, и это совершенно другой мир – абсолютно свободный, вне пространства и времени и в то же время абсолютно реальный. Есть язык со своими ресурсами, и он всех нас связывает и все организует» (Виктор Кривулин: «Поэзия – это разговор самого языка») (интервью Владислава Кулакова) // Полилог. 2011. № 4. С. 108).

пространстве. Холст становится главным свидетелем феноменологической операции».

«Тело принадлежит к миру вещей, оно <нрзб.> в процессе создания произведения».

На этом же листе после отчеркивания (разделительной черты) – черновик стихотворения Бориса Иванова «Оно не может быть таким...», аккумулирующего его размышления из приведенного выше отрывка:

Оно не может быть таким
Каким было и какое есть.
Ибо хочу доказать именно это
и именно для себя =
Я, как вечный мальчик,
[убеждающий себя]:
мечтающий стать взрослым,
[Я мне тоже сбросить]
верю= мое истинное существо
еще сбросит бренность
[И меня не пугает]
Но спрошу себя:
[Меня не] Не пугает ли меня прозрачность
и жизнь в [прозрачном] видимом насквозь мире
Я хотел бы попробовать...
и вернуться...

27.V. 2008.⁵³

Публикуемые стихи Б. Иванова 1960–1990-х гг. открывают исследователям ранее мало известную, но исключительно важную сторону его творчества. Тематически связанные с его работами по философии культуры, литературной критике и общественной мысли, стихи Б. Иванова свидетельствуют о синкретизме его художественного мышления.

Ю. М. Валиева

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 935. Отдельный лист. Наверху озаглавлен: «Кривулин. Рукопись, с правкой». Знаки препинания даются нами согласно рукописи. Зачеркнутый автором текст приведен в квадратных скобках.

Ранние стихи (1954–1955)

* * *

Слушайте, слушайте
все мой голос –
расы, народы, материки,
он скажет простое
простое, как колос,
священное, как мозоль руки

Я – человечество.
Я – история.
Я – память тысячелетий.
Слушайте, слушайте мои
Самые младшие дети!

Я раб, задохнувшийся в мраморной пыли
Милосских каменоломен,
Над чертежами меня убили –
не верьте, что я был спокоен.

Я создал Венеру из мифов-иллюзий,
я складывал Колизей,
Меня засыпал пеплом Везувий
среди раскаленных камней.

Мне палили железом глаза,
сжигали в кострах инквизиции,
это я упрямо сказал:
«А все-таки она вертится!»

Я выхаркивал легких клочья
с пылью сурьмы и свинца,
я бежал в синей блузе рабочего
дворца.

Я умер с пером в рабочем кресле –
слова пошли со страниц
мир потрясать протестующей песнью,
пулей бить из бойниц.

Это в меня кидали камни –
в мой черно-красный бас.
Это в меня стреляли сквозь ставни,
вешали под джаз.

Из миллиардов кирпичей
я сложил города,
Я в них зажег миллионы свечей,
опунав в провода.

Я труд миллиардов,
я поколений.
Я крик любви и проклятья.
Слушайте, слушайте мои
самые младшие братья.

Взгляните люди на руки мои:
ладонь, как карта, пестра:
мозоли египетских пирамид,
ожог первобытного костра.

На этих ладонях в мозолях и метах
история вся зарубцована.
Ладони расскажут вам, как планета
была цивилизована.

Слышите,
сердце стучит
не старое.
Видите люди
улыбку мою?
Кровь по жилам
бурлит Ниагарой.
Если б вы знали,
как вас люблю!

Как я люблю
это небо и звезды,
Домны и трубы,
шелест листвы!
Как я люблю все,
что выдумал, создал,
все, что со мной
создадите вы.

Взгляните вокруг – все дело рук, –
мы только солнце чтить обязаны –
от кружев, вот этой девочкой связанных,
до этих ракет, обгоняющих звук.

Где лес – там степь,
где степь – там лес,
пустыня отползает коброю,
желтеет урожаев медь –
земля такая добрая.

Протиснув руку прямо в недра –
нащупав жилы острым буром –
землю покорную свежем –
она такая щедрая.

Природа, человек которой
молился, ползая распятым
и строя дом, и ладя струг,
теперь у ног легла собакой,
приползшей первою к костру.

Наш век прозренья.
Будоражит
сбывающихся грез озон.
Бесстрашных он вперед,
как Одиссея горизонт.

Врезают океаны кили,
а небо в гордой вышине
иглою тонкою прошили
прижатые крылья ракет.

Слушайте, слушайте:
люди – боги,
что есть на свете лучшего.
В ваших руках сегодняшний день
и всей земли грядущее.

Милые, близкие,
мудрые, добрые!
Всего человечества мечту,
как хрупкую несете вазу.
И никогда, и никому
споткнуться нельзя ни разу.

Люди, идите –
включите станки,
кидайте уголь в нутро паровозам,
прохладной струёю полейте цветы,
утрите детям оставленным слезы.

Люди, идите, знайте и верьте,
начинается эпоха весны.
Жизнь сильнее смерти, –
вздохнет человечество
и войны
факелы
погаснут.

Стихи (1961–2008)

Я песен не знаю,
А в музыке нем,
Не знаю, не знаю, не знаю
зачем
реки текут
и восходит луна,
куда и зачем
бегут времена
зачем и куда
слезы текут,
растет борода
и дети растут.

1961

* * *

По ком звонят,
Кого зовут к последней встрече?
Среди смертей еще одна...
и медью порожденная волна
колеблет зимний вечер.
Уста ль сердце?
Пал ли под ножом?
Быть может одиночеством сражен, –
и возложил петлю себе на шею?..
Окончилась еще одна дорога
И путник лег
У светлого порога,
Челом светлея.

* * *

Такая сказка есть о красном –
о красном, но не о крови,
о красных веках,
в зрении напрасном,
о красном шепоте
без любви.

* * *

Тут стояли цыганки,
сверкая глазами, зубами,
браслетами,
ероша цветы...
и ушли,
делясь монетами,
но тут еще нет пустоты.

* * *

Вы можете пройти
по проволоке минут,
согнуть в дугу
назначенный маршрут?
взять в руки прутик
и сказать: Сезам,
открой себе,
что хочешь сам?

1961

* * *

Что я наделал!
Что я сотворил!
Я всё разъял
И всё соединил
Фантазией нетерпеливой
и поспешной, —
и этот мир,
и мир нездешний
меня от зла освободил.

1962

* * *

За маски заглядываю
печально и строго —
ищу врага,
ищу Бога.

1962

* * *

Вера смотрит с каждого
детского лица.
И ищешь подозрительно
рядом
подлеца.

1962

* * *

Без слов
И драмы
Поставить надо
Рамы,
вторые,
Зимние.

1962

Не знаю, как сказать словами...
Ласкаю я – кругами,
кругами.
И чем сильнее тебя люблю, мой друг,
тем шире и плавней мой круг.

* * *

В слова не верю
Хлеб не возношу, –
Чужую ношу
просто ношу.
Не о песне грущу,
Не о Боге, –
О попутчике
По дороге.

1963

* * *

Впрягают в телеги
Трусливых и тихих;
даже не трогай плеть, –
скажи им:

Вы – лошади.

Скажи

И едь.

1963

* * *

Весь в насекомых, –
по коже ползут.
Бег не спасет –
замучит зуд.

* * *

Щекочут, ласкают,
душат, кусают –
какая я
занятная вещь!

Я складываю, всю жизнь складываю
к насекомым
нежную речь:

«Знаете, послушайте:
иль на вас я наступлю,
иль меня вы скушаете».

1963

* * *

Трава, трава, трава –
кудри грустной земли...
склоняется голова
в запах старой пыли.

1963 (?)

* * *

Уселась на меня гадюка –
Тяжесть венка.
Глаза выгоняю вверх.
...Это сон?
...Это рок?
...Это нерв?

1963

* * *

Покой!
Генук!
Ни стук,
Ни зов ...
Засов.

1963 (?)

АКВАРИУМ

Рыбы – они очень важные –
Лупят глаза на стекло.
Кто объяснит им, кто,
Что рыбы дела неважные.

1963 (?)

* * *

Плакать,
так хочется плакать,
уткнувшись в пьяную скатерть,
плакать и звать
братьев и мать,

женщин, плачущих лунам,
и в плаче найти непробудном
росы тихой страны,
где ходят по травам пурпурным
смеющиеся табуны.

1964

* * *

Не каждый за столом
тебе внимает чисто, –
вот он сидит, разбрасывая сеть,
и ты увидишь, кто антихрист,
когда достанет сил
взлететь.

1964

* * *

Я пришел к тебе еще вчерашний,
кивающий налево, направо,
с голосом узким, как щель,
и потому немного страшный
после этих страшных недель.

1964

* * *

Что такое эпоха? –
Моя жизнь,
мой крик,
поиски во тьме соска,
кровь, барабанящая
в кость виска,
глаз,
вмещающий дождь и лужи,
за
занавеской
чей-то ужин,
это мой путь,
это мой шаг,
это музыка
в ушах,
это пронзительное ожидание
смерти
и любви.

1964

* * *

Какие утра встречаю!
Город, как под венцом!
Кудрявым деревьям киваю
открытым счастливым лицом.
В глазах легко одетых прохожих
отсветы редкого дня,
солнца, улыбки возможного
и счастливого себя.

1964

* * *

Гром как в запое,
Дождь проливной.
В буре озона
Иду нагой.
Под шлёпы ног
в шуме дождя
я слышу в раскатах
грубость Вождя.

1964

* * *

За всеми порогами и горизонтами,
за всеми заставами и границами,
за всеми правыми и неправыми,
есть родина
с другими клятвами родства...
Других и иначе
целую,
я здесь по новому тоскую
и устаю от волшебства.

1964

* * *

Тайну открою:
ВСЁ СБУДЕТСЯ –
никто не болен,
никто не глуп.
Учись разговаривать с улицей
не кривя скептически губ.
Это время монологов пройди,
Как лось переходит топь.
И заново всё назови:
«Это – Бог!
А это – холоп».

1965

* * *

Р. Г.

Мой друг разносит
по домам
угрозы.
Он тащит всюду
за собою
плеть.
И вздрагивают жители
нервно,
и скачут –
собираются взлететь.
Сутулые, неловкие,
как грифы,
хватаются за шпингалеты
окон.
Он жалит их
безумным оком
и прочь идет
обиженным
халифом.

1965

* * *

Есть дни, которым нет примет.
Случилось воровство, –
был день – и дня отныне нет,
и как вернуть его?
И как, спасая утонувших,
ныряют в темень наугад,
его ищут, как ищут лучших,
не возвратившихся назад.
И весь сейчас
во власти скорби –
цена прошедшего темна,
что значит этот наглый орден,
когда не помнится война!
Ничто мне не вернет потерю,
но кажется мне в поздний час,
стоит невнятною за дверью
и смотрит, не спуская глаз.

1965

* * *

Простимся,
я пойду в другую сторону –

по листьям
по лужам,
к небу.
Ты видела когда-нибудь
ворону,
косо летящую
одну – без стаи?
Я не был
проходим,
который пугается ночь
пережить на вокзале...
Мы были похожими
и оба, похоже,
устали.
Теперь дай пропасть мне
в шуме дождя
и огнях сигарет,
запутаем судьбы,
как путает пьяный
свой след

1965

* * *

В конце концов
в этом безверии
и здесь и там нам тенью проскользнуть,
и показаться,
и обмануть
и Бога счет,
и счет материи.

1965

* * *

Льется в уши шорох времени,
кто-то дует мне в лицо,
боль в виске, словно прострелянном,
а в глаза: песок, песок.

1965

* * *

Что я, когда весь мир – больница,
и серебрится мертвый лед,
а ты, Аленушка, сестрица,
из шприца добываешь мед.

1965

* * *

Дитя, ты видишь толпы эти!
Тебе ли их понять!

Ты видишь трубы скотобоен
И дыма эту прядь.

Дитя, ты видишь: мир огромен.
Тебе ли им играть.

1965

* * *

В пене розового солнца теплеют камни.
Лица выглядывают из-под шапок,
как из небытия.
Тревога волнует меня –
стою на пороге миллиона воплощений
и знаю, солнце наилучшее из всех.
У меня есть улыбка, и еще улыбка.
У встречных я бужу странные воспоминания.
Во всяком случае, многие на секунду
принимают меня за знакомого.

Нужно ли что-нибудь совершить? –
Избрать роль изобретателя шуток,
торговца апельсинами,
проводника инвалидов,
или просто кормить птиц?..
Я не хотел бы делать выбора.

1965

* * *

Какой-то смех
необъяснимый,
какой-то голос из тени
и этот стук
ночной пугливый,
и будто скрипнули ремни,
и вздохи
по углам проспектов,
и взгляды резко
за плечо –
все собираем для проектов
и отвергаем горячо.

65 (?)

* * *

Уплывают облака в невозвратное –
ветер навсегда ушел с ворохом газет и пыли,
унесло автомобили,
и кассир унес мешок с тем.
здесь деньгами были.
И я знаю: там забыли
эту ночь и этот свет.
Здесь остался лишь поэт
рассказать, как мы любили.

1965

* * *

Растворю окно солнцу,
ветру – двери,
взлетит пусть дым табачный и бумага,
сегодня не прижатая пером к столу.
Кто я? сегодня – не вчерашний,
кто я? – позабывший про потери.
Кто я? – незнакомый никому.

1965 (?)

* * *

БЕССОННИЦА

«Гибель!» – кто кричит во мне,
когда в пути ночном,
когда пустынная жизнь,
которой я царь –
алчущий
и величественный,
одинокий, но свободный
и потому шагающий
у трона,
еще не решившись на то,
что составляет величие
и высокомерие власти
царей?
«Гибель!» –
крик жуткий и ликующий.
Он оповещает о пределе
моего царства.
Далее идти нельзя.
Там сумерки и движения смутны,
там сложилась для прыжка
пантера безумия.

«Гибель!» –
я возвращаюсь,
я сажусь на трон,
я надеваю венец.
Я величественен.
Я видел границы своего царства.
Восходит солнце,
оно осветит всё –
и след ящерицы,
и гримасы старого орла,
и бока усталого верблюда.
Всё освещено.
Я царь только ночью.
Потому мне
не спится.

1965

* * *

Мадам, как научить вас роли –
в ней нет реприз
и нет паролей!
Без суеты
и без стыда –
как не стыдится рана, –
вы будете сидеть
и слушать, как вода
течет из крана..

1965 (?)

* * *

В часы унылые,
как длинный железнодорожный состав,
слушать устав
и видеть,
ощущая горе расставанья с горами –
в них не поднимусь,
прощанья с играми купанья;
мне жаль, что в рай
и ад не попаду,
и не напьюсь
так просто.

1966

* * *

Вчера я говорил:
– Предел!
Отсюда видно все границы,

Я вижу глубь,
И знаю я, куда летят,
О чем тоскуют птицы...

Простите птицы!
Простите дети!
Я не черчу вам более
Предел.
Пусть будет так:
обедать – так обедать.
Ты опоздал, – я тоже не поел.

Мой мир сегодня –
Плащ да кепка.
Иду под тенью
Козырька,
так я не вижу прутьев
клетки,
на всё усмешка
старика.

Ползут тяжелые туманы.
Я –
и этот вот туман.
рука в карман –
и там туманы.
и я в кармане
у тумана.
и туман
в кармане у меня.

Я только бы хотел,
чтоб продолжало сниться,
когда бреду
под тенью козырька:
вздымается большая птица –
и разбивает
клювом
облака.

1966

* * *

Унылы
проспекты эти
с шумными названиями.
Здесь нет истории –
бетон, газон и снег.

Блуждает здесь случайный человек
и одиночки мерзнут
изваяниями.
А рядом где-то
вздывают птицы
нечеловеческий громоздкий рев –
летят в столицу
за границу,
а здесь стекло дрожит,
как обнаженный нерв.

1966

* * *

Сегодня я молчу.
На раскладушке.
Бумага на полу
и сигаретный дым.
Вот моль бредет
церковною старушкой,
а муха мчится с гневом бредовым

На дне.
Здесь тени тех,
кто выше –
гребет веслом,
руками режет плёс.
Антенна там моя
на крыше,
а тут чуть дышат
через нос.

Сегодня я молчу,
но если б мне сказали,
не этот ли удел
тебе принадлежит,
Я закричу
последними словами:
– Пошли вы на...!
Еще я не убит.

1966

* * *

Есть ритм уходящих, –
их вижу в перспективе
сходящихся линий...
Какие настоящие шаги!
Какие гордой шеи повороты!

Как уважителен возглас петли
и как величественно сходятся
ворота!

1966

* * *

Разомкнуть невозможно объятия времени
на шее своей.
Так и идешь в полумраке
на зовы обманных огней.
Те же проекты и жесты, и недруги,
те же друзья,
Эй, перестаньте бубнить,
о чем вы, про что и зачем!
Дайте
похоронить
мое возвращенье ни с чем.
Мое возвращенье с равнин,
мое – из далеких странствий,
Я вернулся один,
но этим и опасней.
Эй, садитесь за стол!
Водку, стаканы и стулья.
Я ничего не нашел
ни в пустыне, ни в тундре.
Ни золота, ни добра,
ни Бога, ни правды, ни сути,
ни в землях, где пляшет мордва,
ни в землях коми и чуди.

* * *

Никто, ничто не примирит,
Ни телефонный разговор,
ни спор,
ни спирт.
В этой жизни, где тайны
банальны
и овальна тупость лиц,
обучаюсь привычке скандальной
не снимать в домах рукавиц.

1966

* * *

Мир нас не ждал.
Дороги безоградны.
Бросаемся вперед без веры и гонца.

Приходим к смерти
По нити Ариадны,
богини не узрев лица.

1966

* * *

В конце концов
останешься один.
И ты познаешь суть тревоги.
Она как
черный муэдзин губами шевелит –
и все о Боге.
Но все-таки с тревогой говоришь, –
она твоя хозяйка бестолковая.
Но вот однажды
Утром ощутишь
есть ты – и есть соседняя столовая,
есть ты – и улица,
есть ты – и сад,
есть ты – и будка на углу сапожная.
И спросишь ветер:
«Может быть,
мои молитвы
были ложными?».
Кому молиться,
что просить,
чи на себя принять заботы?
какой пиджак
нужно носить
и есть ли смысл переносить
осенний дождь на ноты?

Молитва? – есть,
забота? – есть,
и есть пиджак,
и есть труды,
есть дождь
и зонтик,
и пруды,
и океан –
я к вам пробился с боем,
Отныне между вами – мной
никто не стоит
ни лицом, ни спиной.

1966

* * *

Кошмары шпагой проткнуть,
сдуть мифы свободным
вздохом,
глупца обрядить
скоморохом,
на рельсах беспечно
уснуть.
Черту
наставить рога,
скупца обойти
чашей,
Америку
назвать
«нашей»,
любимой
сказать:
«Пока!»...
Потом, промотавшись,
вернуться,
и в водную гладь,
смеясь, запускать
восторгов легкие
блюдца.

1966

* * *

Я демоном был и Богом,
хребтом и долиною узкой,
солдатом бывал и йогом,
евреем был и русским.
Я верил и не верил,
смешил, и сам от смеха скучал,
я хлопал рассерженный дверью
и в эти же двери стучал.
всё те же главные проспекты,
все тот же я.

1967 (?)

* * *

Скажи –
не прячась за туманами, –
не о любви, не о тоске,
ты слышишь ночью караваны,
которые тонут
в песке?

Скажи, ты слышишь крик погонщиков,
верблюдов скорбных
смертный стон,
набитый прахом
колокольчик
и ветра
горизонтный звон?
Скажи,
ты слышишь шорох времени –
песок течет в горле трубы, –
и перезвон чужого стремени,
как зов чужой судьбы?..

1967

* * *

Ночью
все звуки ближе.
Там на заливе
сваи бьет
копер.
А вот прошли по полю лыжи –
идет унылый фантазер.
Надежды ближе,
ближе смерть.
И ближе –
откровенья.
И новый день
стоит в волнении,
но ночь не хочет
отпереть.

1967

* * *

Под наше счастье не бери в кредит
ни денег, ни дома, ни воли.
Только сегодня счастливым глядит
конь, затерявшийся в поле.
Только сегодня
и только сейчас
мчатся к созвездьям качели,
только сегодня в бездонности глаз
нежность поляны расстелит.
Только сегодня так звуки часты,
только сегодня так сердце частит...
Только сегодня,
только сегодня.

<Б. д.>

* * *

Большой цветной каруселью,
нагой и одетый в мундир,
и пьяный, и нежный, и битый
запутанный вертится мир.
И пьяный, и нежный, и битый
на этой зеленой земле
течешь, как ручей под ракой,
и тащишь всю сущность в себе.

Песок и опавшие листья,
и ветвь переспелых плодов,
отвагу и страшные мысли,
и тени больших городов,
и моешь тяжелые камни,
летишь вниз с шальной высоты,
запруды ломаешь, как ставни,
течешь в лошадиные рты.

Я вижу свой путь от истока
до сини, где спит океан...
Любовь, знаю, только глубока,
а ненависть мчит по камням.
Есть тайны большого молчания,
Великой беспечности суть,
пустыни одичания, –
жизни веселая жуть

1967

* * *

Настанет час –
и догорят, как фонари ночные,
мысли,
и слово
затеряют наше,
и плуг следы
с травой запашет,
другой октябрь
уронит
листья
И будет в зимние
бураны
жизнь наша
нашим детям
сниться.

1967

* * *

Как мне отдохнуть от ожиданий,
как не торопить
возможных встреч!
предвкушая торжество свиданий,
не вышептывать
ночами речь!
Как уйти с перрона?
Как домой вернуться? –
бокалы

составить

в буфет.

Пледом на диване завернуться,
Знать, что в эти дни приезжих
Нет!

1967

* * *

Какие утра встречаю!
Город, как под венцом!
Кудрявым деревьям киваю
Открытым счастливым лицом.
В глазах легко одетых прохожих
Отсветы редкого дня,
Солнце, улыбки возможного
И счастливого себя.

1967

* * *

Скорей столкнутся поезда,
ударит молния скорей
в раскрытый ворот мой,
погаснут звезды и глаза,
и след с земли сотрет прибой
других эпох, другой тоски,
историк, сочленяющий куски,
скорей сосуды наших жизней восстановит,
но как душа без устали ни бродит,
дом не найти ей,
а найдет – пустой.

И только в поездах,
летающих в темноту,
я чувствую живую полноту
последнего предельного порыва –
когда мне всё равно –
шагнуть в ничто с обрыва,

иль быть разметанным метелью взрыва
на
железнодорожную
версту.

И только в поездах,
летающих в темноту –
на том ли свете я или на этом! –
я в свете яростном свою вижу мечту –
я вижу родину,
любовию согретой...
А завтра снова выйду ясен
Навстречу брызгам
Нового дождя.
Я не скажу, что мир прекрасен
От солнца и до ржавого гвоздя,
Но прошепчу:
«Немым – заговорить!
Слепым – увидеть!
Убийце – не убить!»
Но я скажу:
«В уверенности шага
уж есть осуществление
отца,
бойца
и мага».

Мир сотворим –
вот заповедь от Бога.
вот потому и снится мне дорога
и мир, еще который
нелюдим.

1967

* * *

Неужели опять ничего не случится!?
Вечер придет на окна давить.
Ветер с залива, как смерть
постучится –
и плечи опустит усталый Давид.
И в хаосе туч, и в мести метели,
в ознобе страны
и в жалкости лиц –
судей увижу,
поднятых с постелей,
и взмахи карающих
палиц.

1968 (?)

* * *

Я разбудил себя,
себя одел в пальто,
поцеловал свой лоб
и вывел на дорогу...
Так от причала буксир выводит
беспомощные в реках корабли.

1968

* * *

«Все позади!» – а позади обманы.
«Все впереди!» – там чернь и туман.
«Все в настоящем!» – это твой капкан.
Как западни твои все планы.

Смотри своим крушениям в лицо, –
Смотри, не сожалей и не плача.
Не спрашивай: «Когда-нибудь песок
Гранитом был и в мире что-то значил?..»

1968 (?)

* * *

Здесь так же все –
опущены гардины,
и тлеет сигарета на столе,
и ржавые кривые исполины
выкапывают что-то во дворе.

Я уезжал всего лишь на два дня,
но на балконе выросла трава.

1968 (?)

* * *

Роняющие шум на камни волны,
сверкание высокое снежных вершин –
во дни ненастные, холодные
их открывает человек,
как будто бы из новых глин
их создает в часы
большого одиночества.
Он все постиг – и знанием сражен,
и восстает на тесный горизонт,
он узнает тоску пророчества,
которое разносит
только
он.

1968

* * *

Как к солнцу простерты руки –
лучи
полуночных дум.
Умолкли тревожные
звуки,
иной, слышу, близится
шум.
Я слышу отлетный крик стаи,
отблеск смелых очей.
Дух стаи
уж землю оставил
и реет свободный –
ничей.

1968

* * *

Наши дети груди искусали,
наши лица серы от пыли.
Мы, пророк, на Бога
не роптали б,
если б дали
не были вдали,
если б взгляд не гас в пустой пустыне,
если б расступились миражи,
если бы под ветвями густыми
стали вновь горды наши мужи.
Если б ветер приносил дыхание
темных рощ и трав,
мы б сказали: «Небу оправдание!»
мы б сказали «Моисей, ты прав!
Пусть песок заносит из Сахары
наших павших братьев и сестер,
наноси, пророк, смелей удары,
тот велик, кто жалость в сердце стер...
Но по-прежнему рыжеют дали,
стонут под поклажею мужья,
наши дети груди искусали,
дети мать зовут, а не вождя...»

1968 (?)

* * *

Ему,
фараону,
пирамиду
строили *другие*.

Он сох, светлея и зрея,
к торжеству похорон ...
А мой современник,
вымаранный в песке арены,
другой будет завтра:
приколет астру,
сбреет щетину,
по телефону заявит:
«Не побежден!»

И так раз за разом,
себе как другому
плиту за плитою
кладет,
И он же как сфинкс
невозмутимый –
уже победитель, уже единый –
век не опустит,
с усмешкою львиной,
встретит
последний заход.

1968

* * *

Я – чешуя
на медном теле строя.
Воздушно небо,
звучен тяжкий шаг.
И чист, и искренен
призыв гобоя,
и крики жен
еще звучат в ушах.

Пусть нас не ждут.
Пусть не для нас фиалки,
иду в тени тяжелого копья.
Как совы днем,
насупились гадалки.
Сегодня я сказал
своей судьбе: «Моя!»

1969

* * *

За маски заглядываю
Печально и строго, –
Ищу врага, ищу
Бога.

1969

* * *

Я думаю о женщинах,
Озабоченных только собой,
Далеко отодвигающих досягаемость,
Взрывающих покой поэта и его снисходительность
К прошлому и сегодняшнему.
Это счастье или беда встретить женщину,
Озабоченную только собой?..
Может быть, всем нужно знать их имена,
И ставить в городах статуи – за этот их подвиг!
Не за оборону города, участие в заговоре,
В фильме, а за эту озабоченность собой, –
Разве не напоминают эти женщины о вечности!

Мне понятна улыбка Джоконды:
«Мое тело – колокол в решающий час,
когда требуется мужество;
далекий прекрасный берег, когда долог ваш путь.
Когда грязь человеческая собирается в поход,
я – идол городов, которые следует защитить.
Я не спешу утратить обманчивую призывную
ткань красоты – эту половину мира,
чтобы стать плодоносящим деревом,
не думайте – я возьму весло в руки,
Взойду на трибуны.
Я не стану заряжать вам ружья, –
Я занята сама собой. И этого достаточно, –
достаточно для смерти и бессмертия мужчины...»

1969

* * *

Выйди –
не прячься в чаще, –
на ослепительный луг.
Здесь
озарения чаще,
реже
предчувствий стук.
Хрупко
касаются кожи
стебли
струящихся трав,
тут понимаешь тайну –
величия детских забав,
надежность
мужскую плуга,
женскую гладь бороны,

обнимку
верного друга,
тяжелые роды
страны.

1969

* * *

Мир нас не ждал.
Дороги – безотрадны.
Бросаемся на свет конца...
Приходим к смерти по нити Ариадны,
богини,
не узрев лица.

<Б. д.>

* * *

Приходи, большая кошка,
в захламленный тупик.
Глаз оранжевый – окошко
в твой весенний дерзкий крик.
И сквозь дым пусть сигаретный
дуются твои усы,
с возмущением запретным
тронь бумагу и холсты.
В полусумраке постели
промурлычь на лампы свет:
«Помнишь, как мы ночью ели
старый сыр и черствый хлеб?»
Мы друг друга не осудим
и простимся не кляня –
разное с тобою любим:
я весь мир,
а ты – меня.

1970

* * *

Не стали греть меня надежды,
И пусто на равнинах слов,
И в линиях, отбросивших одежды,
Я нахожу мотивы новых снов.
На россыпях сверкающих песков
Я открываю новые изъяны,
И уж с утра
Немного пьяный
От гордости твоих сосков.

1970 (?)

* * *

Опять тревожат сумраки конца.
В какой листве затихнет жизни ветер,
какое выражение лица
мне будет и вопросом и ответом?

Склонится ль женщина, склонится ль сын,
иль друг с предупредительностью лишней,
раскосый конвоир с лицом сырым,
иль сад Эдема с плодонесущей
вишней?

Иль будет так, как мне пророчила звезда:
русская пригрезится дорога,
чьи-то непутевые глаза
и решетка на окне острога.

1970

* * *

Всё та же ночь –
и ветер над мансардой,
и двери дрожь
от сквозняка,
и наши губы дремлют правдой –
как дремлют тихие над крышей облака.
Невидимой толпы мне слышен шум,
Упрямый ход глухой работы, –
как будто в недрах Вельзевул
смелеет ночью
и подкопы
под корни травам
протянул.

1970

* * *

Ты там – за сетью нежных листьев.
Как волен летний твой наряд!
Я слышу шепот тайный: «слиться» –
так листья говорят.

Как глубоки твои глаза –
и как глубоки твои тени,
где грудь <и> там – в твоих коленях,
а губы – свежая гроза.

Что измеряем в этот миг,
какое время и пространство!
Какое надо нам убранство,
чтоб новый мир сейчас возник!

Ты обрываешь лист сирени
и ожидаешь не дыша.
А я ломаю для свирели
прямую спину камыша.

1970

* * *

У лета нет намеков острых
на тяжесть зимних холодов,
вся острота вот в этих соснах,
тревога – в гуде проводов.

Открытость небу в птичьем пенье...
В цветении больше наготы
и откровенной простоты,
чем в обнаженности осенней.

У лета есть отвага смеха,
отвага быстрых юных игр –
вот тучами пророк проехал,
а здесь курчавый спал сатир.

Смеется месяц козлорогий,
крадется рощею заря,
пылится знойная дорога –
колеса крутит бытия.

1970

* * *

Скрябин, Пруст, кубические натюрморты,
абстрактная нежность,
глоток кофе,
на акселератической треноге
я рисую твой профиль.

Бюсты, шлепанцы, апрель,
рожа в параметрах коммунального коридора...
Ах, Адель, Адель, Адель!
У Адели шелушится кожа!..

1970

Родина

Когда пропляшется наследие пустое,
и я пропью стихи своей страны,
протру стекло замершее ночное
и оглянусь суровый стан сосны.

Тогда открою тайну простоты,
значение родного жеста,
пойму замес ржаного теста,
заговорю с тобой на «ты».

1970

* * *

С меня срывали одежду:
лишали чинов и званий.
Однажды почувствовал близость
к семье городских изваяний.
Не удалось расплющить, –
я тот же
бессмертный Адам:
и Бога, и Еву, и кущи
всё снова упрямо создам.

1970

* * *

Какое время! –
Мир без Бога.
И город будто без людей.
Но кажется, еще немного...
«Еще! Еще!» – ступени дней.
Как будто долгая осада,
вода и хлеб идет на счет.
И миру – «Ничего не надо!»
смолою огненной течет.
Не надо, ничего не надо.
Стоит осады тишина.
Но почему победа эта
цветов и блеска лишена?

1971

* * *

Умеешь ли любить
иль только ждать?
Есть сила жить
иль только лгать?

Где ты? тут близко
иль далеко?
Какая правда в смутности намека,
любовь иль ужас потерять?..

1971

* * *

Опять ты зажигаешь свет,
и оба знаем, со значеньем.
Для нас он тайна обреченья,
еще одной надежды след.

Я не спешу... Большие звезды,
Приземист арки темный ход,
столбом стоит прохладный воздух,
кричит далекий пароход.

День умирает – отсудачил.
Растет ночная тишина...
Я жил – и суть обнажена:
чтоб свет не гас и что-то значил.

1971

* * *

Я вижу дно любовью пьяных глаз.
Горячий круг из рук на плечи лег.
«Покинем, милый, трезвости чертог
и стуки сердца пусть смешают нас.

Ко мне, ко мне, любимый мой кентавр!
Пусть голова твоя теряется среди туч,
хочу с тобой вернуться с круч
к началам жизни...»

Водой весны шумят потоки слов,
и падаем в просторы ночи,
и снято с жизни полотно сорочек, –
в сетях секунд – божественный улов.

...Нам утро открывает мудро
безумный хаос отброшенных одежд.
Стыдливо щеки прикрываешь пудрой,
усмешкой – день, зачатый без надежд.

И вот уходишь дальше, –
неуловимее в толпе.
Я мог сказать прохожей женщине:
«Совсем она, но все не те».

И все сначала: мир и время,
я глуп и мудр, юн и стар,
покорно поднимаю бремя –
жить, мыслить – я кентавр.

И прозреваю смысл походки
на отражения витрин,
и размышляю над находкой:
сегодня я опять один.

1971

* * *

Вино стоит, и ночь идет к концу...
Как ароматен жизненный настой!
Я наполняю кубок пустотой
и радость овном бродит по лицу.

Судьба, о боги, – золотая нить!
О трепетная нить долженствований:
оспаривать,
грезить
и любить,
уверенность угроз и заклинаний!

Я эти капли выплесну на стол,
я руки брошу утреннему небу.
Благодарю за то, что нашел,
благодарю за то, кем был и не был.

1971

* * *

Всё те же лица
и те же разговоры.
И что отметит здесь
безбожный ум?
Фасады новые
и вялость приговоров –
движение годов –
передвиженье дюн.

1972

* * *

Я становлюсь все более прекрасным орудием –
Острые тонко, лезвие же широко сияет.
Ладонь титана спокойно уляжется на рукояти.

Представляю, как приятно взмахнуть этим клинком,
Собирающим солнечные лучи,
Как приятно его ощущать под плащом,
Когда в городе ночи ненадежны.

Он легко проникает в створ дверей
и справляется с тупостью замков.
В конце концов, им можно бриться,
ополаскивая бегущей водой.

Что же касается тех зазубрин, тех пятен ржавчины,
Погнутостей, то у клинка может возрастать
тщеславие по мере того, как будет становиться
все менее годным для дела.
Так стоит о них говорить.

1971

* * *

31 декабря

Игла времен
прошла меня насквозь.
Грохочет крышами
секундный ливень.
В одно мгновении
всё собралось,
и весь бросаюсь
на слоновий бивень.

Какой замах!
Какой бедовый риск!
Я слышу визг
пробуренной породы.
И мне тепло
в год грозной непогоды
расхристан
и распахнут вдрызг.

Не добр я,
и ныне не щадящий,

О год.
как утопающий корабль,
вздымающийся из бездны
остров-нос,
и месяц огненный
декабрь,
почивший средь
замерзших роз!

1971

* * *

Свиданье будет ли?..
Есть знаки:

 волненье,
 голубь

заглянут в окно,

давно так солнце в огненном кипенье
не прожигало
пыльное стекло...
Не спится,
все завесы сна
большое ожиданье прорывает,
и вижу, как оно пришло,
и вижу, как оно кивает.
На этот берег, северный и скальный,
пришел от южных берегов прибой.
И понял я
в созвучьях дальних –
«Я тут.
Теперь всегда с тобой...»

1972 (?)

* * *

Теперь свидание назначено повсюду,
всё стало местом с тобой нечаянных встреч.
Смотрю
и вечно всматриваться буду
и буду вслушиваться

в уличную речь.

И все идущие несут твои приметы,
и в каждом голосе твои слова ловлю.
Все женщины земли как ты одеты,
ручей в речах:

«люблю-люблю-люблю...»

Где я, и где теперь моя дорога?
На крик какой мне отвечать: «Я здесь!»
В каких шумах и на каких порогах
меня настигнет вкрадчивая весть:
«Я здесь, – твой шепот, – я иду навстречу.
Не уходи –

я ближе с каждым днем.

Пускай сгорит

и этот зимний вечер
жертвенным для нас огнем...»

Теперь спокоен. Я иду по краю,
граница –
вот отечество моё.
Я не ищу тебя, отныне знаю:
Ты всюду,
ты всегда,
ты – всё.

1972

* * *

Покой
остановил движенье этих вод
и этих облаков, уснувших над заливом.
Луна идет ко мне навстречу вброд.
Я другу говорю:
«Как ночь красива!»

Простите, голубые дали,
прости, глухая глубина, –
сегодня вы спокойствие мне дали, –
должно быть, велика моя вина,
что сердце сжато,
мысли яры,
в руке отчаяния жест...

Какой покой!
Неслышные удары –
Прими, душа,
от Бога благовест!

1972

* * *

Утяжеленные листвою деревья
так пасмурны в бездомном сентябре...
В ветрах – проемы в мировые дебри,
И я иду и не еду к тебе.

Я здесь стою, мой плащ терзает ливень.
На тротуаре пляска пьяных струй.
И понимаю, в каждом шаге бивни,
ломающие твердь и пустоту.

«Иди!»... Иду, перехожу границы,
всё ближе облаков далекая родня,
и прыщут прочь испуганные птицы,
и косны лица у домашнего огня.

Какие здесь бессмертия законы?
О, как свободно здесь гуляет смерть!
Здесь Бог в трудах могучих неуклонно
из пустоты добра слагает твердь.

1972 (?)

* * *

Ты в эту тишину – не будь так смел, –
с беспечною надеждой не входи:
она взорвется тысячами стрел –
и десять ты найдешь в своей груди.

Блуждающий бесплодными полями
услышит в небе Господа раскат –
и хлынет с неба горький водопад,
и прорастут молитвы тополями.
Родись! К тебе судьба благоволит.
Приветствуй боль, приветствуй Бога.
Вот радуга, под радугой дорога
И слушай, что Креститель говорит.

1972

* * *

Считаю дни, как шаги на дуэли:
раз, два, три.
Так и жил все эти недели,
и сходились, сходились враги.

1972 (?)

* * *

Остались позади последние кварталы,
и ветер черный
нежилых равнин,
идет навстречу сквозняком погромным
и чертит уху
контуры руин.

И нет звезды
на дальнем небосводе,
и нет огня
в заснеженной дали,
и нет друзей
в моем новом походе,
и нет вестей
полуденной земли.

Ах, всё это души опасливой нытье,
готовой изловчиться в поражении!

Да здравствует лихое бытие
и радость неисполненных движений!

Отверзи лучше крик,
разбуженной пучины –
пусть из груди раздастся древний глас:
«Угу, седая ночь!
Угу, камней морщины!»
Угу, равнина волчья,
снега пляс!

1972

* * *

Не молюсь.
Пусть не будет утешений и знаков благоволений.
Пусть ничто не смягчает укоров,
а их мне может сделать каждый,
Есть долг вечного присутствия.

Я не хочу проверять, не обманывают ли меня глаза,
я не буду оглядываться – это правда, что
За спиной только пустота,
Я не буду оглашать окрестности криком:
«Даже Бог не сделает меня марионеткой!»
Есть долг вечного присутствия, –
Вот что хочу повторить еще раз.

Я всегда здесь – не возвращаюсь и не ухожу.
Я смотрю, не мигая, на огонь жизни.
Сострадание,
Внимание, бессонница...
Вечное присутствие.

1973 (?)

* * *

Опять день пухнет под карнизом
шестиэтажной высоты.
Еще один будет нанизан
на ось всемирной суеты.
И не покой мне ныне снится,
а эта ось, стальная ось,
на ней всё тесно собралось:
и шнур висит самоубийцы,
картины крюк
и хватка птицы,
которая устала биться
о неба ясный купорос.

1973

* * *

Будет день – и отсею слова
из лукошка своей души.
И когда уснет голова
на коленях этой земли,
и когда стану я пустотой
и пронзят ее крылья птиц,
я приду к тебе в сон, как стон –
единственный в тьме небылиц.

И когда золотой песок
истечет твоих дней, ты жди:
вновь услышишь мой тихий свисток
и поверишь, что все впереди.

1973

Парк ночью

Ночью парк напоминает
лежбище морских котиков:
черная лоснящаяся кожа прудов
выпукла за листвою.
Статуи кажутся порочными,
а молодые люди, с транзисторами и сигаретами,
громко заявляющие о себе, –
робкими дилетантами свободы.

Я знаю эти шутки: навстречу идет человек
с намерением не уступить дорогу.
Я знаю робость сторожей в этот час,
когда их красные повязки не производят впечатление.
Я знаю эту прореху в тишину и небо,
когда со звездой устанавливаешь связь, –
ведь важно, чтобы связь оставалась!

Я люблю этот всемирный перпендикуляр,
подобный шесту, на котором гимнаст
держит под куполом цирка своего партнера.
Я считаю важным поддержать звезду в ее одиночестве.
Может быть, поэтому не присаживаюсь
и тем не делаю уступку
своей слабости.

Вот ночная птица осмелилась
сказать на своем недобром языке
что-то еретическое.
Вот мотылек растрепанно полетел
опустившимся бродягой.
Неужели туда, где так свирепо светят
ядра ламп!

+

Узнаю эти звуки:
стон и «скрежет зубовный» –
землечерпалка.
В тени берега дремлют баржи,
выжидая свою очередь.
Их пасет буксир. За стеклами капитанской рубки
огонек папиросы.

Камни падают в корыто «грязнухи» –
так нарекли эти баржи, –
и они грохочут и шмякают, как отрубленные головы
утопленников.

Я знаю про эти баржи всё.
Ты их открыла,
как открывают новые материки,
или – в лесу солнечную полянку влюбленные.

Я приближался к берегу
через шевелящуюся свалку
крысами, воронья,
дымили кучки тряпья,
ветер трепал нечистоты старых газет.
Я приближался к каналу,
этому физиологическому тракту города,
обитыми гнилыми сваями, инвалидными деревьями,
с группами алкашей,
которые всегда что-то делают между собой,
повернувшись к миру спиной.

На ржавой «грязнухе»
я видел любимую, в бюстгальтере и трусиках,
жмуриящуюся от солнца.
Очки делали ее вид забавным.
И до сих пор не понимаю,
что всегда в ней было что-то величественное.

Пришел на мыс.
Пришел за сладкой тоской.
Я пришел взглянуть на плоскость морского залива,
чтобы его тусклая покатая спина
мне напомнила о свободе.
Залив показался мне слишком скудным символом свободы.
Мы должны были переплыть океан.
Ты соглашалась с этим, но не поверила,
что это возможно.

1973

* * *

Порвался шелк любви –
и мир
в своих нелепостях кондовых, в своих страданиях
вечно новых
зажег печальные огни.

И, соскользнув, как в забытьи,
рукой с похолодевшей кожи,
другие чувствую ожоги,
ожоги в черном бытии.

Другую щедростью томим,
я преданность к тебе миную
и с горькой нежностью волну
людей, уставших от машин.

А ты? Где ты?

В водовороте
усмешек, грусти и обид?
Мне говорят, что ты в полете,
где ток воспоминаний спит.

1973

* * *

Осколки некогда прекраснейшего тела –
не ты ли дождь на холоде стекла...

Текла река
и непогода пела,
и грусть
в пустынный дом.

В ладони не собрать холодные потоки,
усталость, боль, тоска, упреки...

1974

* * *

Мы умираем каждый день –
Жрецы нас водят на закланье.

Но с Богом новое свиданье
Прощенье жалуется...

Апрель.

Весна последняя, возможно.

Возможно, в Пасху...

Канитель!

Ведь страшный суд довольно сложен, –
допросы – несколько недель.

И по утрам Луку читаю,
не тороплюсь: с десяток строк...

И, кажется, я понимаю,
за что нам продлевают срок.

1973

* * *

Всё те же лица
и те же разговоры.
И что еще отметит здесь
безбожный ум?
Фасады новые
И вялость приговоров.
Движенья лет –
Передвиженья дюн.

1973

* * *

Здесь люди – страшные миры.
Губителен огонь их встреч –
кому лозой,
кому золой,
кому мощами в землю лечь,
кому безумием потечь
багровым языком к созвездиям.
И не спасет
ни немь, ни речь,
а беглецу стопу подсесть
под крик погонь
осокой-лезвием.

1974 (?)

Канон

Прорезать высоту воздушного свечения,
Закинув голову в прозрачный зенит,
И отступить, и закон паденья
Услышать, – он, как сталь, звенит.
И помнить: на тебе дешевая одежда,
И знать: что плоть для пули и ножа!
Беспечно странствовать, как будто в мире нежность,
А не с дубьем и вор, и сторожа.

Псалмы и радости древнейших песен,
И речь единую для судеб и трибун
Нести в себе, карабкаясь по лестницам
Движенья мысли, в коридорах тюрем.
И верить: все заветное исполнится,
Смеяться черным маскам миражей...
Все ниже голова к коленям клонится...
Канон исполнен.
Holiday!

1974

* * *

Я бы хотел сказать
несколько простых слов об этом городе,
обнимающих его сущность,
как обручи бочку, –
слов верных, как старый ботинок верен суставам и мозолям
пешеходной ступни.
Я хотел бы сказать несколько слов,
которые бы заставили умолкнуть тех,
кто привык говорить от его имени
и перевирающих даже его имя.

Каналы

Их люблю. Но не вообще – за изгибы
за дома и снова за дома, –
так бежит в камнях ящерица.
Фасады домов притерлись друг к другу,
как лица на семейной фотографии.
Львы и грифоны мостов –
домашние животные.
Есть несколько конных статуй,
возбуждающих реликтовые переживания.
Когда-нибудь они тронутся в путь,
роняя яблоки горячего навоза.

Я никогда не ловил с мостов рыбу.
Никогда не собирал на тротуарах окурки.
Не мочился на лестницах.
Не бил подвернувшегося под плохое настроение
слабака.

Но мне приходилось долго смотреть на твои крыши,
когда был подростком
и ночные бомбардировщики подкрадывались к тебе,
прячась среди замерзших облаков.
И сейчас, когда мне под пятьдесят,
моя работа смотрителя лифтов
позволяет еще и еще раз взглянуть на крыши –
это лоскутное одеяла старого города.
Я не знаю,
КАКОЙ ОТПЕЧАТОК ГОРОД ОСТАВИЛ НА МНЕ –
Я просто расскажу один случай.

Ты спросила: «Скажи, ты любишь меня?»
Я откликнулся: «Скажи, ты любишь меня?»

Ты сказала: «Ты бесчувственный человек. Я тебя ненавижу!»
Я откликнулся: «Ты – бесчувственная. Я ненавижу тебя».
Уже рассветает. Мы лежим, не касаясь друг друга.
Ты, я и город затаили дыхание.

1974

* * *

Простую ткань теперь лишь ветер тронет
и оживит (обман, не оживит)...
Цветы рука отныне не обронит.
Не позовет и не простит.
 Как холодно. Как страшен мир явлений –
 что тени из прозрачного стекла.
 Как угадать
 излом,
 покат
 ступеней,

дорогу в пустоту,
она тебя влекла.

Безмолвная
и в белое одетая
моя печаль пусть приведет в Аид,
где Эвридика
вечно спит
в разбитых снах
уоставшею кометою.

...Я верю сну...

В больших палатах смерти
мы встретились с тобой в последний раз,
и мир чужой в созвездье твоих глаз
мне радостью загадочной ответил.

1974

* * *

Какие долги и кому я их должен платить!
Беглец – всегда беглец за проволоку ада.
Веки опущены, в пальцах бегущая нить,
и бьет по коленям косая струя водопада.

Скошены лица в вечном призыве: «Назад!».
<И крик> патруля, и ночная гроза волхвованья.
Предательство вместо забот расставанья,
и памяти вместо – мести угрюмый парад.

Беглец – всегда беглец за проволоку ада.
Свобода – моя путеводная нить...
Светаег. Пора. Ничего мне не надо.
Всего лишь к ручью приклониться и пить.

1974

* * *

Проснется ли чудак, когда лес тронется
и будет шумно на старинной переправе
от гомона мужского озорства?

Идиллия купания коней,
торжественность от утренней пальбы,
и нечего просить,
и от мольбы так сладко
на старинной переправе.

1974

* * *

В ответственной час –
Луны или Криветки? –
в раствор ворот
и мимо нас идут в поля
медлительные предки
дорогой белой,
как алебастр.

1974

На перепутье

слова –
или вещи?
билет –
или место в вагоне?
А если еще резче:
жизнь –
или засвеченный ролик?

Не собрать гончих,
не пустить по следу.
Но так ли важно –
стою, иду,
еду?

Рано еще до выси,
поздно для какой-то веры.
Какие могут быть мысли,
Если выломаны даже манеры!

Поклоны – на какие страны?
Отстать – от какой морали?..

И стих какой-то странный –
Бегаёт мышь в рояле.

1975

* * *

Такая маленькая и при этом – женщина.
Облаченная в брюки
и копна волос, –
похожа на Пьеро и секретаря
приятного пожилого гражданина.
Такие роли приписываю тебе,
когда вижу, шагающую большими шагами,
с кошелкой, полной снеди.

Руки тонкие обнимаю сильно.
Не было б этих сильных рук, ты осталась бы равной
для меня детскому воспоминанию о театре кукол.
Страшный Карабас выходит с плеткой,
но думаешь не о нем – о Мальвине.

В сущности, всегда думаешь о Мальвине,
а Карабасы, важные послы невероятно огромных
государств, и, разумеется, многое другое,
лишь заслоняют ее, Мальвину,
и получают свой масштаб в зависимости о того,
как в этом дурацком деле
они преуспели.

1975

* * *

Плешивый мир художников, поэтов,
оденьте котелки на валуны!
В ответственной час рождения луны
сiju на чердаке в компании эстетов.

1976

* * *

Умчалось время.
Город пуст.
И женщин нет – одни Маруси.
Вместо поэзии – лишь бюсты Фирдоуси,
вот потому
и грусть.

1976

* * *

Идет конторой или лесом,
живешь во сне иль наяву, –
почаще пользуйся отвесом
и не вертись крученым бесом –
не озирайся на Москву.

1976

* * *

Что стоит человек во прахе путешествий!
Пересекает темный материк, –
конвейер: – был дитя и вот – старик,
с морщинами дорожных происшествий.

1977

* * *

Когда приходит ночь
и город полон гулом
мчащихся авто,
я расстаюсь со стулом
и надеваю старое пальто.

Расстрелянные канцеляриями,
как призраки идем на встречи.
Потусторонние аварии
в потусторонней речи.

Торчит на улице
Спортивный молодец.
Мать там, где запах валерьяны.
Встречай начало,
и встречай конец –
звонарь истории, подлец,
наверно спит на колокольне пьяный.

Ты, Родина, десантная баржа,
не то плывешь, не то беспечно тонешь,
с воплями на кладбищах хоронишь
и богохульствуешь в три этажа.

1977

* * *

История никогда никому не давала уроков:
ты тот, кого разбудили в Гефсиманском саду?
или ты тот, кто, таясь в плаще широком,
идет получить у кассира должную мзду.

Или – Симеон Галилеянин – вечно, неутомимо
встречаешь случайно несущего свежий свой крест.
Никто никогда не узнает, какая причина
тебя посылает бродить у этих опаснейших мест.

История никогда никому не давала уроков, –
она лишь подсказка живущему в этот день наш.
И ты закричишь: «Распни!» с наступлением срока.
Или с вершины холма свой поведешь репортаж.

Ничтожества в вечном видят гримасы иронии:
«Знаем!» – салют прогремит и опустят повапленный гроб,
знаем, могильщик нечаянно заступ уронит,
когда соберется вытереть потный свой лоб.

Им, соглядатаям, вечно толпою ходить.
Мудрость пустая вечно полонит их рот.
Нам книги читать и в книгах всегда находить:
«И собрался народ...»

1977

* * *

Елабуга гордится каланчой.
Из жилмассивчика несет печёнкой,
печёнка же разит мочой,
моча – наказанной девчонкой,
и пар – работают котлы,
и мысль – пошла от перегрева,
и шорохи – под мышкой дева
тревожит пышные патлы.
И «Пир» – такая есть картина.
И «Бой» – такое есть кино.
И ор: поется каватина.
И стук – ...конечно домино.
Упомяну и бугая –
его концерт из радиолы
в окне, как раз напротив школы,
в которой обучаю я.

В Елабуге всё случайно,
то очень весело,
а то весьма печально.

1978

* * *

Рассыпавшийся мир собирают иначе:

Дуся – иначе,
Коля – иначе,
Галактионов – иначе.

Плакал старик:

он ничего не собирал, ничего не понимал, ничего не помнил.

«Кажется, был ад...».

«Кажется, были бани и наградные...»

Белье – были?

Бельмо – было?

Берий – был?...

Правильно, Дуся!

Коля – молодец!

Галактионову – «хор».

Кричали: «Серафима Саровского!», «Блаватскую!», «Высоцкого!».

Солоухина, Евтушенко и остальных затолкали в шею свои же.

ОТНЫНЕ:

Петербург, а не Ленинград,

Царское Село, а не Пушкин.

Репин – от репы.

Чурлёниса не внесли,

Ставского – не оставили,

Суркова даже не вспомнили.

1978

* * *

Я знаю,

они скажут: «Иди и делай!» –

и повернутся ко мне спиной.

Когда я вернусь,

я опять увижу эти спины.

Они посмотрят на меня из-за плеча так,

как будто я пришел их упрашивать завести мою пружину,

и как будто увидеть их

должно мне что-то стоять.

Я сам повернулся к ним спиной.

Иду и делаю.

Мир бежит мне навстречу,

и его дыхание смешивается с моим.

1978

* * *

Зажжем свечу – в пещере полумрак.

На ветоши лежать по-царски мы умеем.

Кто-то вошел и сел,

сказал: «Дохлак!»

Кто-то сказал: «Отвалил к иудеям».

Просей муку и пояс подтяни.
Внизу: равнина и дыханье масс.
К нам прибывают из Вселенной корабли –
изготовленье фирмы «Фантомас».

Консервы, шифр и шрифт. Ну и лицо
у господина из Вселенной!
На пальце указательном кольцо
и обещание возмездий.
Кому? Зачем? –
переговоры тайны.
Мне показали с шепотом портрет.
И показалось лишь случайным –
ни у кого с ним сходства нет.

1978

* * *

Умиравший коршун грезил
На ольхе старого оврага.
Разбойник, налетчик, стервятник,
Или же величественный хозяин этих мест?

Резвилась пьяная охрана.
В ее криках коршуну чудились
Лихие атаки на мужицкие дворы,
Писк затравленного зайца.

Под остями старых перьев
слякотный теплый гной,
паразиты кишат и тешат его тело –
осваивают, как благодатную страну.

Он познал мудрость бытия:
благодарны только паразиты.

1979

* * *

Не забывайте поддерживать Гитлера
в хорошем состоянии.
Возьмите расческу,
продуйте,
просмотрите ее на свет.
Причешите аккуратно челку Адольфу,
потом влажной тряпочкой
смахните перхоть с его плеч.

Есть прекрасные средства против угрей,
но лучшее – самое простое:
выдавливать гнойный стержень ногтями. –
Выдавите гитлеровские угри на носу,
и на подбородке, –
разве вы не знали,
что здесь их у него особенно много.
Он любит массаж, особенно шеи:
когда его будто душат –
сжимают и разжимают загривок.
Энергично обработайте его поясницу –
то место, где его жирная сутулая спина
переходит в широкую жопу.
Трите лучше! Энергичнее!
Конечно, вы устали.
Да, Шикенгрубер при этом
часто любит выпускать газы.
Не отворачивайтесь – трите и трите.
И улыбайтесь. Улыбайтесь, как фюрер,
причмокивая.
Вот теперь вы, знаю,
готовы,
дать Гитлеру хороший пинок под зад!

1979

* * *

Не говори:
«Я сделал для культуры довольно много».
Не хвались!
Культура – это пыльная дорога,
По ней идешь – и покидаешь жизнь.

1979

Режиссер начинающему актеру

Вы сошли с ума, – перестаньте обращаться в зал!
Поймите раз и навсегда: НИКАКОЙ РОЛИ ПУБЛИКА НЕ ИГРАЕТ.
Говорите, черт возьми, к партнеру!
Смотрите, как он великолепен в своем отлично сшитом костюме,
с морщинами старого льва и уголовника!
Он счастливо соединил в себе грубость извозчика
с мудростью византийского чиновника.
Какой характер!
Какая карьера!

1979

* * *

Пускай тебя язвят.
Пускай тебя клянут.
Пускай на пустырях
тебя дерут собаки,
но всюду будь
немножечко во фраке,
как фрачен твой
вельможный
звукоряд.

1980

* * *

Набоковские бабочки
без единой складочки.

* * *

У Бога
Поэтов много.
И все летают.
Они создают ветерки.

Бог поэтов держит
ради прохлады.

1980

* * *

Еще кричит нерв перебитый,
и шапкой пены рот покрыт,
о мой народ, еще ты не убит,
но беззащитен перед битвой.

1980

* * *

Окрестности великих крепостей
кишат ворами
и беглыми рабами,
торговцами подержанных вещей,
мятежной злостью всех вандей,
таящейся за сумрачными лбами.
Есть беглецы из королевского оркестра.
Полковник –
выкидыш казарм,
картежники,
пьянчуги
и жандарм,
после ревизии оставшийся без места.

Поэты есть

для шлюх и для масонов,
опальный бывший иерей,
еврей, известный как еврей,
и отщепенцы всех уклонов,

Коптят бомжи на свалке воробья.
В церковных скверах ворожат старухи.
Всё оплели апокалипсические слухи,
И люди здесь скитаются, как духи,
И среди духов
Обитаю я.

1980

* * *

Уклончивой мыслью китайца
Касаюсь кителей бонз.
Распутываю кольца венского вальса,
а дождь накрывает мост.
А где-то крадется марш –
фанерное изваяние:

волеизъявление,
кровоизлияние.

1980

* * *

Лауреатам Сталинской премии

Вы, вампиры-фуфлоны, на фиг обгадили всё
ретроградным елеем,
дружите вы с Бармалеем,
нам засираете мозг, –
мы ж добреем,
а надо бы
кием вас бить бильярдным,
чтоб разум сквозь зад ваш
пророс

обновленьем
отрадным.

Вы, вампиры-фуфлоны, на фиг хороните трупы
на людных дорогах!
Везите их дальше на дрогах,
ведь возят их в тундру якуты!
А вы ж не могилы, –
а доты,
построили как идиоты,

и сделали «малой»
нашу большую страну.

Вы, вампиры-фуфлоны, попрали и честь, и законы,
гоните влево вагоны –
сыр, колбасу и икру,
Верните колье и кулоны
в фонд Мира,

 иначе секира
у тебя, старичка,
пройдет
чуть
выше
воротничка.

1981

* * *

На перрон!
...Никого. –
Сундуки, чемоданы, кары,
Больного несут санитары –
Агония или огонь?

Кажется Омск.
Кажется карась.
Кажется сегодня.
Кажется вчерась.
На каком этаже Сезанн?
На какой странице СЛОВО?
Где ресторан?
В каком столетье Казанова?
Где ты?
Где я?
Где мы?..
Ведь были Поганкины палаты?..
Всюду плюшевые львы,
набитые казенной ватой.

Что такое вещь –
тряпка, попитр, бутылка,
вцепившийся в шею клещ? –
всему цена
обмылка.
Если емко, – где купол?
Если копоть, – где огарок?
...Молчи! Всё глупо,
начнем с помарок.

Убогий ренессанс раскинул сеть кустарных мастерских,
Продается, меняется, славится
Что-то чудовищно важное...
Думал о вселенной –
Впал в транс, –
вселенное выражение многоэтажное.
На шестом этаже жил.
Вообще живу повсюду.
В портфеле носил
белье, машинку, посуду.
Шорох плаща,
ход натошак,
кивок через улицу.
На площадях
Переругиваемся.

1981

* * *

Звезда. Собачий лай...
Скрипят шаги по снегу –
свой запах охраняет часовой.
Бог запрягает Медведицу в телегу,
хор мальчиков поет за упокой.

Все кончено
А значит, все готово.
Румянец ожиданий...
Что-то жгут.
На горле перетянут жгут –
эпохи нет,
осталось только слово

Невесты ожидают жениха.
Палят салюты, жгут на газе жженку.
Возникновенье в небе петуха,
поющего в стеклянную воронку.

Кружат перья огненные вниз.
Толпа украсила свои петлицы.
Чуткие идут во храм молиться,
чтоб миновал затменья парадиз.

1981

* * *

Слишком много дел,
всё безнадежно запущено.
Кто скажет, сколько еще отпущено,
но знаю и так: не успел.

1981 (?)

Еще вытираем ноги,
моем окна,
пальто вешаем на вешалку,
но никто не собирается жить в будущем.
Еще говорим о переменах
и бдительны, как ночные животные,
но разве мы не знаем,
что наша жизнь абсолютно никого не интересует.

Будем крепче любить друг друга,
покупать цветы, поздравлять с днем рождения,
но не уверяй других,
что ты отзывчив,
предан
и морально устойчив.

1982

Коллапс

Убитый кит. И грозное облако.
Внушающий безверье ураган.
У берегов давно забытых стран
язык непонимаемого колокола.

Какой расчет у вздыбленных валов?
Не их ли брызги в партитуре!
Когда погибли музыканты в буре,
Покойников швыряют в ров.

Последний след
последнего пилота.
Последние свершились чудеса.
В руинах рыжая лиса
питается останками
кого-то.
Не то, что жить –
прокукарекать сложно!
Какой там стиль –
когда вокруг жаргон!
Какая музыка, –
когда менты сапожно
у дирижера в пульте
ищут самогон.

1983

* * *

Пишите белые стихи,
когда бело вокруг,
бело от снега и седин
упавших в снег старух.

Пишите красные стихи,
когда огонь погас,
погасли звезды и костры –
горит лишь твой экстаз.

Пишите черные стихи,
о скорбях психбольниц –
матерый доктор в тьму скорбей
вгоняет черный шприц.

1985

* * *

Ужо тебе,
носатый иностранец,
агент разведок.
рenegат.
Ты к нас опять завез
развратный танец,
а недостойным –
шоколад.

1985

* * *

Недавно мне приснился сон,
как будто я – Наполеон,
у меня – Наполеона –
армия, Париж, Корона!

И будто слух прошел: «Россия...
не то Буденный, не то Миссия,
на мирные как будто страны
ползут большие тараканы».

И будто мчусь я на коне,
какой-то мост, какой-то пруд,
а эти, как их! так и прут.
И я кричу: «Мюрат, ко мне!»

«Мюрата нет, у Жазефины» <так!>.
«Тогда Даву!» «Опять запой!»
«А эти, гвардии – кретины?»
«А где им быть – ушли домой...»

...Проснулся: – за окном день новый,
в дверь барабанит участковый,
моя Маруся спит враспяжку,
мне на плечо <закинув?> ляжку,
а я совсем воотерловый.

1985

* * *

Когда разбили дверь и склад открыли,
там были штабеля и бочек и мешков,
набитых пылью,
и инвалид – солдат
трудился над отчетом.

1986

* * *

Что такое замполит?
В носу Язова полип.
Что такое партбюро?
Бюрократии ядро.
Ну, а эти стукачи,
ветераны-палачи,
эти бывшие наркомы,
души их черней ночи?..

1988

Детство

Старые доходные дома,
увы, не приносящие дохода,
клоповники двадцатых и тридцатых –
обилие приезжего народа,
а позади гражданская война.
Улица, бегущая на юг,
«Фордзон» у булочной, обоза
бульжной грохот по утрам –
навоз и вопли паровоза
и воробьиной суеты уют.
Святая нищета безбожной веры,
святые плотники и боги – шофера,
освобожденные МОПРОм от проклятья –
ревут в сиянии утра
пять татарчат уборщицы Махеры,
Но все – назем. История – вперед!
Там впереди, как сон,
всё золото большого урожая, –
Об этом голосит «Фордзон»,
от булочной стреляя уезжая.
В родильном доме – белая палата.
Эпоху новую по заду шлепнет врач
в кругу сестер науки медицины –
ты слышишь неучтивый плач
на Перовской и Марата.

Финансовые стихи

Любимая купюра

Это была твоя любимая купюра.
Ты много раз перекладывал ее с места на место,
когда детей и жены не было дома.
Ты вспоминал о ней на работе и в транспорте.
У тебя была тайна и вера:
жизнь – это захватывающее приключение с приятным финалом,
ибо наступит время, – и тыпустишь любимую купюру в ход,
как Наполеон в сражение пускал свою Старую гвардию.

Но однажды в твой дом пришел Павлов.
Он сразу направился к книжной полке и достал «Историю КПСС».
Он знал, что в этой книге ты прячешь любимую купюру.
Толстые короткие пальцы достали ее.

Теперь на работе и в транспорте
ты часто вспоминаешь свою тысячерублевую купюру
и издаешь утробные невнятные звуки.
Но я-то знаю их смысл: **НЕНАВИЖУ!**
Ненавижу Павлова, центральное правительство,
КПСС и Полозкова.

Мой совет, вкладывай деньги не в КПСС,
а в малые предприятия с ограниченной ответственностью.
Фирма ГЕНСЕК обанкротилась,
но есть и другие фирмы:
например, КОНЕССАНС,
ЕВРОТУР,
ОНЕГА
и другие.

Не сердись

Не сердись! Ты тоже не всегда был таким.
Вспомни, каким ты был маленьким!
Откроешь фотоальбом – и увидишь себя:
не больше банного свертка.
А вот ты стоишь рядом с собакой, которую
перерос
уже в два-три раза.

Ты был маленьким и цены были низкие.
Ты рос – и они росли.
Чего же ты удивляешься!

Не сердись! Цены будут расти и дальше.
Сейчас тебе даже трудно представить,
какие будут БОЛЬШИЕ ЦЕНЫ.
Все-таки –
и улыбнись.

<1990>

Антикризисные стихи

В кризис нельзя войти дважды.
А выходов – навалом.

В кризис мы вступили организованно и под руководством,
А выбираемся в панике и каждый в одиночку.

Ей, помогите! – мы слышим от разных лиц.
Расскажите им легенду о Великом Спонсоре.

Легенда о великом спонсоре

– Мы в дыре, – сказали академики нам,
сидящим на пустых макаронных ящиках.
– Мы в дыре, – сказали мы академикам,
Сидящим вместе с нами в дыре на таре.
– Мы в дыре! – сказали мы вместе пятачку безмятежного
голубого неба, которое в любое время хорошо видно из дыры.

И вот однажды в дыру заглянул ангел,
с атласными душистыми крыльями.
Он слышал наши стенания, и его сочувственные слезы
капали вниз прямо на наши лица.

Мы сказали ему:

– Богатый урожай привел нас к голоду.
– Победа демократов в некоторых советах обессилила нас...
Академики заявили ангелу:
– Золотой дождь западнояпонских инвестиций, мы предупреждали,
окончательно доконал нас...

И мы услышали тихий и ласковый голос ангела:

– Не печальтесь, бедные мои.
Дети народа своего, не убивайтесь!
Есть великий Спонсор.
Обратитесь к нему.
Он вызволит вас из дыры.
Обращайтесь к Борису Николаевичу Ельцину.
Зовите его в Президенты.
Отдайте за него свои голоса! –
Сказал ангел и отлетел,
шурша атласными душистыми крылышками.

Стали мы наказ составлять:
«Сделай, Великий Спонсор, так,
чтобы цены не росли ни на хлебо-булочные,
ни на трикотажно-чулочные изделия.
Остепени номенклатуру-то!
И шахтерам помоги!
Пристыди торговый класс и Невзорова –
Ясно, что у него в спецназе родни много,
но и мы-то по-христиански ближние ему...»

Пишем мы документ и как-то легко на сердце становится.
И будто небесный пятачок над нашей дырой не так уж мал.

1990

* * *

Никто не покинет Корабль.
Под мухой всегда капитан.
Давно ничего о морали
не вякает капеллан.

Грохочет стальная машина.
С механиками заодно
пьют кочегары шальные
ворованное вино.

Команда ругает баланду:
«Бывало наварит мать щи...»
За вредную пропаганду
заперт в трюм бунтовщик.

Никто не покинет корабль.
Под мухой всегда капитан.
Давно ничего о морали
не пудрит мозги капеллан.

1991 (?)

Супербасня № 1

Остросюжетный волк
Внедрился в утробу лося –
И по неслося:
хори и лисицы
и странные картавящие птицы
здесь объявили съезд.

За волком вслед зачавкали лисицы,
за ними хорь,
потом спустились птицы
выклеивать кровавые места,
отведать свежего мясца
подкрались рыси...

А где-то там –
в прохладной выси
опротестовывал орел
весь образ жизни местных сёл,
замешанный на злобе
и корысти.

1993

Супербасня № 2

Глобальных трансформаций вша
участником быть может,
но пусть вас это не тревожит,
ибо не весят воши
ни шиша.

Другое дело гении науки –
великий Фрейд, Эйнштейн, Судзуки,
они то издают задумчивые звуки,
то потирают или моют руки,
то пишут коллективное письмо
и посылают важному буржую.
Буржуй их посылают к х..
и залезает в толстое авто...

Какую мудрость басне ни пришей –
вшам грызть науки, а ученым
исследовать повадки вшей!

1993

Супербасня № 3

Больному тюленю
Больной тюлень,
живущий в массе
мазутной пересоленной воды,
быть может, изберешь
царь-сельские пруды,
где будут продавать билеты в кассе,
чтобы смотреть, как ты
туды-сюды
продемонстрируешь
за хвост минтая,
свои дурацкие труды
и косоглазый взгляд Китая?

Конечно,
будет экспертиза:
аренду вычислит на труд –
нужна охрана, тара,
виза.

Ведь ныне в СНГ
сопрут
за милу душу
божье творенье.
Поэтому и написал стихотворенье,
чтоб дать совет:
подумать.
не остаться ль где мазут
и где тюлени
как соленья
под вилкой алкоголика
но –
живут.

1993

* * *

Вот кот,
который в помойке
ест крысу,
после того, как
изнасиловал
кису.

Вот слон,
игнорирующий
жалкую шавку.
Куда он идет? –
в посудную лавку.

Вот конкурс,
который устроили
козы: –
Порнуха с рогами,
рекламные позы.

Вот лев!
Кто видел его в рукопашной<,>
меня уверяют <->
хамила он
страшный.

Но есть,
уверяю,
приличные звери.
Они охраняют
хозяйские двери.

Они с нами делятся
собственным мясом
и в ухо мурлычат
нам,
лоботрясам.

1993

* * *

Кто объяснит бегемоту
какой он урод –
рот до ушей
и висящий до жижи
живот!
Сам пусть ответит,
зачем он живет,
зачем родился
и что он жует
и жует.

1993

Предвыборное

Ну, чего ты пришел на площадь,
где оратор, изменившись в лице,
облаивает перемены
и вещает о близком конце.

Ты, земляк, большой дуралей.
Ну, какое, скажи, тебе дело,
куда денут ульяново тело,
снесут или нет мавзолеей!

Выпивоха, трудяга, рыбарь,
ты прожил свою жизнь втуне.
Подойди к тому – на трибуне
и по морде его ударь.

1995

* * *

Она была матерая чечня,
а он – обыкновенным был евреем.
Она работала на Невском брадобреем,
а он был инвалид,
вместо руки – клешня.
Так если вышел ты на улицы побритым<,>
хоть день не будь антисемитом.

1997

Памяти Бориса Тайгина

Ушел...
лохани крови,
без-
по-
мощ-
ный
те-
ле-
фон...
Жизнь – неотложка – и наклон
скользящий к краю

Ни слова,
стон,
жалоба
в немую пустоту,
лишь отвечающая
эхом:
не то сочувственным ответом,
но скорее,
смехом...

И умереть к утру,
когда в ушах звонки трамваев<,>
карабкающихся по мосту<,>
туда –
в бесчувственную высоту.

Но если все это помножить
на солнца блики,
меда вкус, –
услышим затихающие крики:
«Когда-нибудь
я все-таки
вернусь!
И снова сяду за машинку,
протру оконное стекло
и снова отыщу тропинку<,>
где все
стихами
замело».

<2008>

Библиографический список

1. *Грачев Р.* Письмо заложнику. Сочинения. СПб.: ООО Журнал «Звезда», 2013. 656 с.
2. *Иванов Б.* Автобиография // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2015. С. 71–86.
3. *Иванов Б.* Подонок [Повесть] // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1960-е. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 273–324.
4. История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: Сб. статей. СПб.: Деан, 2000. 176 с.
5. *Крейд В.* Экзистенциальный философ // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны». Т. 5 Б. Ньютаунвилль. Массачусет. 1986. С. 265–274.
6. Петербургская поэзия в лицах: Очерки / сост. Б. Иванов. М.: НЛЮ, 2011. 392 с.
7. *Рогинский Б.* Иванов Борис Иванович // Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энциклопедический словарь: в 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 111–112.
8. Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия / под общей редакцией Д. Северюхина. Авторы-составители: В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. М.: НЛЮ, 2003. 624 с.
9. Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). [СПб.]: НИЦ «Мемориал», 1993.